

«... В первом отделе особенно интересны и полны родословия, из вошедших в настоящее издание, следующих фамилий: кн. Воротынские, кн. Лыковы, кн. Острожские, кн. Курбские, кн. Холмские, кн. Пожарские, кн. Вишневецкие, кн. Кантемиры, гр. Брюсы, графы и бароны Лёвенвольде (ссылки на членов этой фамилии в исторических монографиях почти всегда исполнены ошибок, а между тем Лёвенвольде играли весьма важные роли в истории России первой половины XVIII века)...»

(Из предисловия к «Российской Родословной книге» Мих. Семевского, 9 февраля 1873, С.-Петербург)

“VERITAS VINCIT” — ИЛИ КАК ЧИТАТЬ МЕМУАРЫ

В.К. Малиновский¹

1. Введение: приемы тайной дипломатии

К простейшим приемам тайной дипломатии относится прямой подкуп. Однако попытки подкупа не всегда сводятся к предложению денег. Иногда это — сообщение в корыстных целях ложных сведений; очень редко такие сведения относятся к семейным связям и происхождению лиц или лица, в отношении которого замышляется обман. Если бы этот прием применялся в частной жизни, то он однозначно квалифицировался бы как действие аморальное, постыдное, мошенническое. В политике же и в дипломатии люди, которые, вероятно, согласились бы с такой оценкой в частной жизни, подчас полагают, что критерии и оценки могут быть другими — и цель оправдывает средства.

О таком редком происшествии свидетельствует подложное родословие Карла Густава Левенвольде, изготовленное для него в первой половине 1730 года¹. Хотя изготовитель подделок никогда не оставляет своей подписи, по набору косвенных улик он может быть изобличен, а его цели вычислены. Последствия же для злоумышленника — особенно если предприятие его закончилось неудачей и предполагаемая жертва оказалась не глупее «подрывника» и «взорвала его его же миной»² — многие говорят о личностях с обеих сторон. Эти последствия иногда не бросаются в глаза поверхностного наблюдателя, но отчетливо видны при внимательном ретроспективном анализе.

В нашем случае особый интерес представляет не только сам факт идентификации подложного родословия как эпизод тайной дипломатии 18 века, но и портреты лиц, вовлеченных в эту интригу. Как на одной, так и на другой стороне оказались люди большого калибра и замечательной, и — в известном смысле — похожей судьбы. Увы, они оказались противниками, хотя могли бы быть друзьями; так распорядилась жизнь. Поучительно проследить их поступки во всей этой истории, растянувшейся по своим последствиям не на одно столетие.

¹Доктор физ.-мат. наук, профессор, прямой потомок Герхарда Иоганна Левенвольде в IX-м поколении.

2. Маршал Шотландии и Ландрат Лифляндии

В судьбах двух из длинного ряда героев нашего исследования много схожего.

Джордж Кит, Милорд Маршал. Энциклопедист Жан Лерон Д'Аламбер³, которого и поныне помнят как выдающегося ученого⁴, удостоил похвальным словом⁵ около 50 своих современников. Среди них есть лица ныне почти забытые⁶ и лица, которых не забыли и не забудут никогда⁷. Последним из героев Д'Аламбера стал Милорд Маршал. Это Джордж Кит⁸ (George Keith; около 1693–1778). Он обладал титулом Маршала Шотландии (Earl Marischal⁹) по праву рождения — как старший представитель видной в Шотландии семьи, веками имевшей на этот титул наследственное право; девиз семьи был «Veritas vincit» (лат.), что значит «истина побеждает».

Похвальное слово Милорду Маршалу — последнее из написанных Д'Аламбером. Но оно для него особенное. Он пишет¹⁰:

«автор этого похвального слова уже написал много прочих и опасается, что их набралось уж слишком много. Однако он осмеливается просить благосклонно принять еще и это — ввиду тех чувств, кои его продиктовали. Для автора это дань (и дань весьма приятная) той дружбе, которой удостоил его Милорд Маршал, и тому нежному почитанию, которое внушил ему этот человек античных и чистых нравов. Известные в великих веках римской неподкупности, они внушают зависть сегодняшним дням. Он был настоящим Философом и жил мудро, не говоря об этом; сколь многие лишь говорят, а не живут так, и проч.¹¹».

И чуть далее¹²:

«Джордж Кит, *Наследственный маршал Шотландии*ⁱⁱ, более известный под именем *Милорд Маршал*, был древнего благородного происхождения; это вполне видно из титула, который он носил и который принадлежал его семье более пятисот лет. Но вместо того чтобы кичиться своим знаменитым происхождением, как это делают те, коим Природой не дано никаких других достоинств, он — как никто другой охотно — был склонен к издевке над этим случайно выпавшем ему выигрышем, которому людское тщеславие так часто придает столь высокую цену. *Люди не чувствуют* — говорил он — *насколько тяжел может быть этот подарок, если он получен впустую, и когда им не умеют пользоваться.* Из занятных примеров глупости, собранных им по этому поводу, он особенно любил рассказывать про одного знакомого ему земляка благородного происхождения, который считал это происхождение наиболее ценным свершением Провидения; потерю же его воспринимал как наибольшее из земных несчастий, *ужасное бедствие, когда благородному человеку не нужна жизнь*».

Сам Джордж Кит, который в царствование королевы Анны был капитаном ее гвардии (Capitaine des Gardes) и в 1712 году с успехом служил под начальством герцога Мальборо, в 1715 году — скажем так — потерял свое благородное происхождение. За то, что он принял самое деятельное участие в неудачном восстании якобитов¹³ против короля Георга I, пришедшего к власти в результате

ⁱⁱВыделение текста италикком здесь и далее в этой цитате сделано самим Д'Аламбером. — Прим. В.М.

Рис. 1. Австрийская карикатура на Джорджа Кита: в Священной Римской Империи в период австро-прусского противостояния близкого друга короля Пруссии видели так.

переворота, известного как «Славная революция», он был заочно приговорен к смерти, лишен всех прав и владений на родине и, спасаясь, бежал на континент.

Действия Джорджа Кита против новой власти не были меркантильными; Д'Аламбер, среди прочего, пишет¹⁴:

«задолго до того, как он встал во главе шотландцев, в тот самый момент, когда король Георг I занял английский престол, Милорд Маршал уехал к себе на родину. Он отказался от поста капитана гвардии, поскольку, по его же словам, он *охотно охранял бы короля, но не узурпатора*, каковым в его глазах был новый монарх».

Наследственный титул Милорда Маршала оставлся для изгнанника тем единственным, чего его — по его словам — не могли лишить. Д'Аламбер пишет¹⁵:

«из всего, чем он владел, он сохранил только титул Маршала Шотландии. Для вящего удовольствия короля Георга — писал он одному из своих друзей с веселостью, не покидавшей его даже во время тяжелейших невзгод, — *я сохраню этот титул, который он не в силах у меня отнять, ибо я имею на него больше прав, чем он на корону Великобритании; этот титул достался мне от моих отцов и, хотя я и не могу помешать ему подписываться, как он это делает, Георг Король, я с его позволения буду всякий раз ставить подпись Маршал Шотландии.* И он и в самом деле так подписывался, особенно после осуществленных в его отношении проскрипций. Это был род молчаливого и постоянного протеста против того, кого он не только отказывался называть *своим господином (поскольку у меня никогда не будет — говорил он — другого господина, чем закон)*, но и признавать его своим Сувереном».

Выбравшись — с приключениями — на материк, Джордж Кит долгое время жил в Испании, затем в Венеции, а с 1747 года в Берлине, где подружился с Фридрихом Великим. В 1751 году король Пруссии назначил его послом в Париж, а в 1754 году — невшатальским губернатором. Лишь в 1759 году Фридрих, как говорят, добился у английского правительства восстановления Милорда Маршала во всех его правах и владениях. Заметим, что Англия и Пруссия в то время были союзниками в Семилетней войне (1756–1763) и воевали с коалицией, в которую входила та самая Испания, в которой Джордж Кит служил в более молодые годы¹⁶. Но кроме кратких визитов в Шотландию в 1761 и 1763–1764 годах, Джордж Кит на родину не вернулся и умер в Потсдаме.

Карл Густав Левенвольде, лифляндский ландрат. Дату его рождения мы точно не знаем, но она была не ранее 1680 г. (год брака его родителей) и не позднее 1692 г. (год рождения его младшего брата). А дату его смерти мы знаем точно. Это 30 апреля 1735.

Для удобства читателя в дальнейшем чтении приведем следующую таблицу¹⁷, в которой указаны ближайшие родственники К.Г. Левенвольде:

<i>отец:</i> Герхард Иоганн Левенвольде ¹⁸ ∞ 1680 Магдалена Элизабет Левен ²⁰	? ¹⁹ –26.4.1723 [♠ июнь 1696]
<i>старший сын:</i> Карл Густав Левенвольде ∞ 1722 Шарлотта Розен	? ²¹ –30.4.1735
<i>средний сын:</i> Фридрих Казимир Левенвольде	1692–8.4.1769
<i>младший сын:</i> Густав Рейнгольд Левенвольде	1693–22.7.1758 [♠ январь 1742]
<i>дочь:</i> Хелена Кристина (по др. ист. Шарлотта) Левенвольде ∞ 1722 Беренд Фридрих Шлиппенбах (1695–1737)	

Сам К.Г. Левенвольде изгнанником в точном смысле этого слова не был и к смертной казни его не приговаривали, но его отец в 1696 году был приговорен к смертной казни шведским королем Карлом XI и с этого времени был в изгнании вплоть до 1710 года, когда Лифляндия была присоединена к России. Поэтому скитания и угроза казни для его старшего сына были известны.

Причиной смертного приговора отцу было его участие в делегации, просившей шведского короля отменить редукации, то есть систему произвольной конфискации земельной собственности. Из-за этих редукаций целые семьи потомков древних рыцарей, владевших относительно небольшой земельной собственностью веками, в одночасье оказывались за гранью нищеты.

Левенвольде принадлежали к «древним лифляндским фамилиям» (Uradel). Это потомки первых рыцарей, семья, с древности пользовавшаяся баронским достоинством, одна из наиболее уважаемых *матрикулированных* прибалтийских семей, документально известная в Прибалтике с 1230-х годов. Ландратом же в Лифляндии — где сохранилась особенная для тогдашней Европы система самоуправления — назывался выборный глава органа, осуществлявшего самоуправление. Хотя Лифляндия после Ливонской войны попала под протекторат Польши, а потом была присоединена к Швеции, а в 1710 году, после Великой Северной войны, стала частью Российской империи, местное самоуправление играло далеко не декоративную роль.

Как и Джордж Кит, похвальных слов после смерти удостоился и К.Г. Левенвольде. Их оставили нам два близко знавшие его современника; первый из них,

РИС. 2. Парный герб супругов К.Г. Левенвольде и Ш. Розен; на это указывают знаки Ордена Андрея Первозванного, которыми украшен герб Левенвольде.

Василий Александрович Нащокин (1707–1760), был его прямым подчиненным, а второй, Иоганн Эрнст Миних (1707–1788), был сыном человека, с которым при жизни К.Г. Левенвольде имел весьма серьезные столкновения.

Вот что писал И.Э. Миних:

«Кроме сего, так сказать, всемогущего любимца [Бирона. — *Прим. В.М.*], состоял также Карл-Густав, старший граф Левенвольде, в столь великой силе, что хотя и не занимал он никакой должности в министерстве, однако никакие дела не проходили без его ведома и соглашения; даже сам Бирон, который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы, не только сего мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но даже, чему дивиться должно, некоторым образом его боялся.

Личные свойства и качества графа Левенвольде действительно заслуживали почитания. Сверх острого и проницательного разума, имел он совершенно честное сердце, был великодушен, бескорыстен и охотно вспомоществовал всем, кои с правым делом или просьбою к нему прибегали. Он жил весьма умеренно и без великолепия. Вид его был важен, но не неприятен, и в домашнем обхождении находили его веселым и шутливым. Другьям своим делал он добро, и кто однажды вошел к нему в любовь, тот чрез наговорки и клеветы не скоро лишался оной. Но если он однажды кого возненавидел, то уже бывал вовсе непримирим».

Вот что писал В.А. Нащокин:

«В 1735 году обер-шталмейстер, лейб-гвардии Измайловского полка полковник, ордена Св. Апостола Андрея кавалер, ее императорского величества генерал-адъютант граф фон Левенвольд, который был в Польше полномочным послом и послан был к цесарю; он же и полк Измайловский привел в изрядный регулярный порядок и в лучшую от других полков экзерцицию; по многих его к государству трудах из немецких краев в С.-Петербург возвратился в тяжкой болезни и просил всемилоостивейшую государыню, чтоб отпущен был в деревню его Дерптского

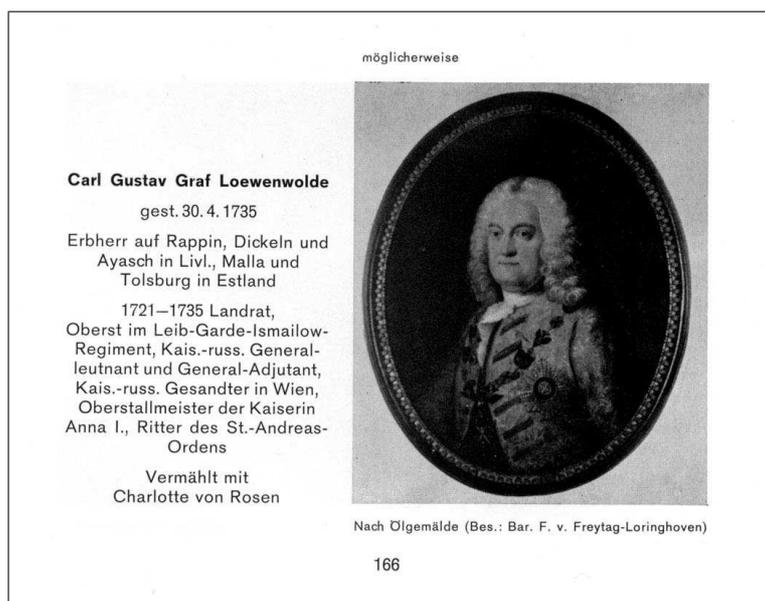

Рис. 3. С. 166 книги Г. Крузенштерна «Ландмаршалы и ландраты ливонского и эзельского рыцарства в иллюстрациях» [18]. Над портретом, который в реальности оказался портретом герцога Кристиана II Мекленбург-Шверинского (1683–1756), пометка: «möglicherweise», т.е. «предположительно».

уезда, в мызу Ряпину. А при отъезде призвал он всех штаб- и обер-офицеров, со всеми прощался и поехал в последнем состоянии своего здоровья, а по прибытии в свою деревню, как было известно, все домовое распорядя, добропорядочно того же года в апреле месяце умре. Человек был великого разума, имел склонность к правосудию; к подчиненным, казалось, был строг, только в полку ни единый человек не штрафован приказом его, а все в великом страхе находились, и такой человек, как оный граф Левенвольд, со справедливыми поступками и zelo с великим постоянством, со смелостью, со столь высокими добродетелями редко рожден быть может. Он же при жизни его императорского величества, блаженной памяти государя Петра Великого, был его величества генерал-адъютантом и много употреблен бывал от его величества в посылки. В жизни своей оный граф фон Левенвольд имел охоту к ружью и охотник был до лошадей. И так я об оном описал, как подлинное мое есть примечание бесстрастно, ибо я у него в особливой милости не был и чрез его рекомендацию никакой милости в авантаж свой не получал, только писал в сей моей записке из почтения, видя в жизни моей такого достойного человека, который, паче своей славы, общее добро, то есть правдолюбие, наблюдал, что мне случилось видеть и сим засвидетельствовать».

Нашокин перечисляет основные ипостаси К.Г. Левенвольде. Это:

- генерал-адъютант Петра I;
- ливонский ландрат с 1721 по 1735;
- первый ливонский промышленник (см. рис. 4);

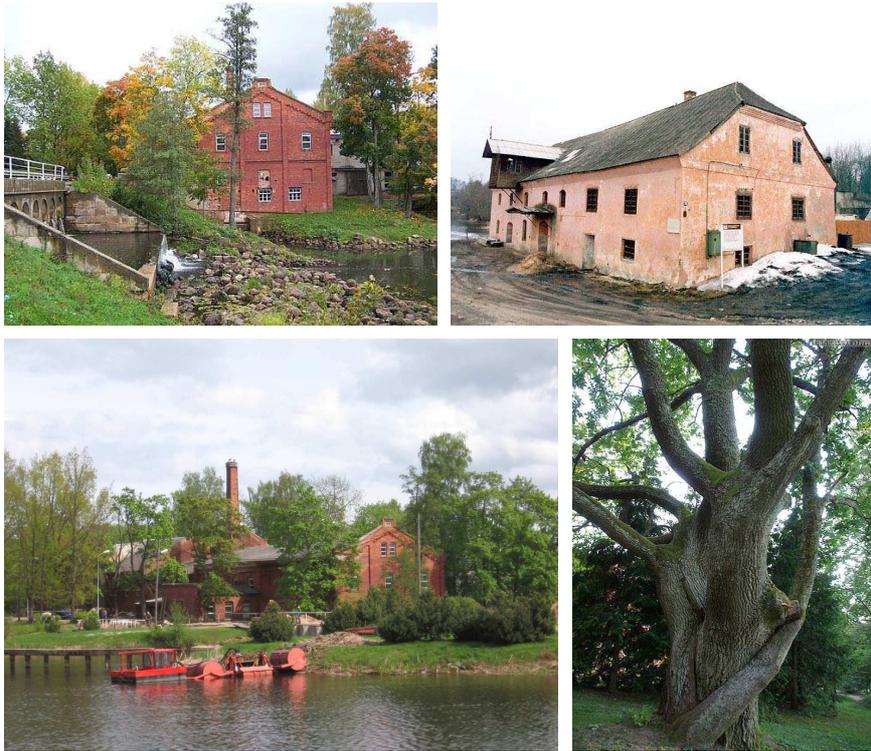

Рис. 4. Здания бумажной фабрики, организованной К.Г. Левенвольде в своем поместье Ряпине, и старое дерево в парке в Ряпине.

- сторонник монархии и один из центральных деятелей, организовавших контр-переворот, противодействие так называемой «затейке верховников», в результате чего состоялось восшествие на престол Анны Иоанновны в 1730 году;
- организатор и полковник л.-гв. Измайловского полка;
- обершталмейстер;
- дипломат.

Такое разнообразие занятий и событий²² в жизни К.Г. Левенвольде предопределялось, как и для Джорджа Кита, обстоятельствами его рождения. Если Джордж Кит принадлежал к якобитам вследствие традиций его семьи и узурпации трона Георгом I, то и К.Г. Левенвольде оказался на русской службе и российским подданным вследствие жизненных перипетий своего отца: Герхард Иоганн Левенвольде противился тирании Карла XI и, защищая своих соотечественников от редукции, как и И.Р. Паткуль²³, рисковал своей жизнью. Неудивительно, что когда «шведск.<ая> редукция была уничтожена, — и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян»²⁴, матрикулированные семьи выбрали своим ландратом сперва Г.И. Левенвольде, а после его смерти в 1721 году — его старшего сына К.Г. Левенвольде. Участие же К.Г. Левенвольде в ликвидации «затейки верховников» в 1730 году напрямую связано с его братом Г.Р. Левенвольде, впоследствии организовавшем императорский двор (см. [1]).

3. Родословия двух родных братьев, К.Г. и Г.Р. Левенвольде

У двух родных братьев, старшего Карла Густава и младшего Густава Рейнгольда Левенвольде, все предки общие. Но родословия Г.Р. Левенвольде [23] и К.Г. Левенвольде [12] не совпадают; сопоставление родословий Г.Р. и К.Г. Левенвольде и обсуждение различий приведены нами ниже, в Приложении А.

Родословие Г.Р. Левенвольде. Зачем Густаву Рейнгольду Левенвольде понадобилось родословие, датированное 19 августа 1726 года и заверенное Юстусом Розенкампом и еще одиннадцатью лицами? Затем, что для оформления диплома (Екатерина I возвела трех братьев Левенвольде в графское Российской империи достоинство в 1726 году) нужно было представить в соответствующие инстанции полную, по мужской и по женской линиям, родословную роспись. Это и сделал младший из трех братьев, Г.Р. Левенвольде.

Подчеркнем еще раз, что родословная Г.Р. Левенвольде [23] сохранилась в РГАДА в подлиннике (см. рис. 5). Она носит явные следы делопроизводства: на ней стоят подписи и печати должностных лиц, удостоверявших ее истинность. Однако — в отличие от балтийских ветвей, которые выписаны с исчерпывающей полнотой — в описании шотландской ветви имеются значительные пробелы. Эта ветвь не только менее подробна, чем балтийские немецкие, но там есть и прямые, хотя незначительные, неточности, о которых мы скажем ниже: семья, что и не удивительно, плохо помнила скрытые в прошлом семейные связи своих шотландских предков.

Откуда нам известно родословие К.Г. Левенвольде? Если подлинник родословия Г.Р. Левенвольде [23] хранится в РГАДА, то родословие К.Г. Левенвольде [12] известно нам лишь в копии. Оно включено в книгу И.К. Бротце²⁵ (1742–1823) «Сборник различных ливонских памятных документов»²⁶. И.К. Бротце родился в Саксонии, в городе Герлице; изучал богословие и философию в университетах Лейпцига и Виттенберга, где освоил технику рисунка; в 1768 году переехал в Ригу, работал в качестве репетитора, а с 1769 года начал преподавать в Рижском Лицее и проработал там в течение 46 лет.

И.К. Бротце считал своей основной задачей коллекционирование исторических источников. Он зарисовывал гербы балтийского рыцарства, печати епископов, надписи на надгробиях, виды балтийских усадеб, замков, городов и поселков, топографические карты отдельных мест. Исторические материалы, которые привлекали его внимание, И.К. Бротце фиксировал всегда с большой точностью. Иногда он добавлял письменные объяснения. Чаще всего они состояли всего их пары строк, но иногда могли занимать несколько страниц.

Его коллекция содержит 10 томов в кожаных переплетах (3246 страниц, страницы формата 33 × 21 см.). Большинство рисунков выполнены самим И.К. Бротце, но есть и рисунки, выполненные другими художниками. Большинство из них одноцветные и выполнены пером и тушью. Цветные рисунки — либо акварели, либо рисунки тушью, раскрашенные акварельными красками.

В настоящее время «Сборник различных ливонских памятных документов» И.К. Бротце хранится в Академической библиотеки Университета Латвии. Копия родословия К.Г. Левенвольде [12] была получена автором настоящей работы из этого источника стандартным путем — подачей запроса на копирование и оплатой этой работы по прейскуранту.

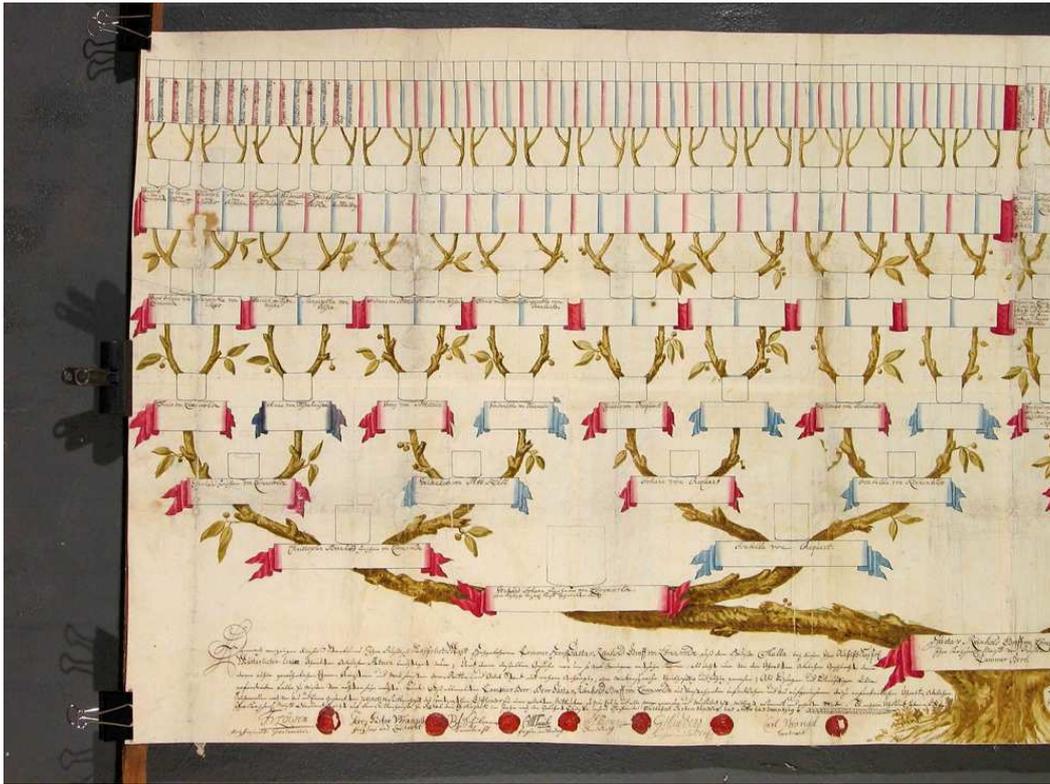

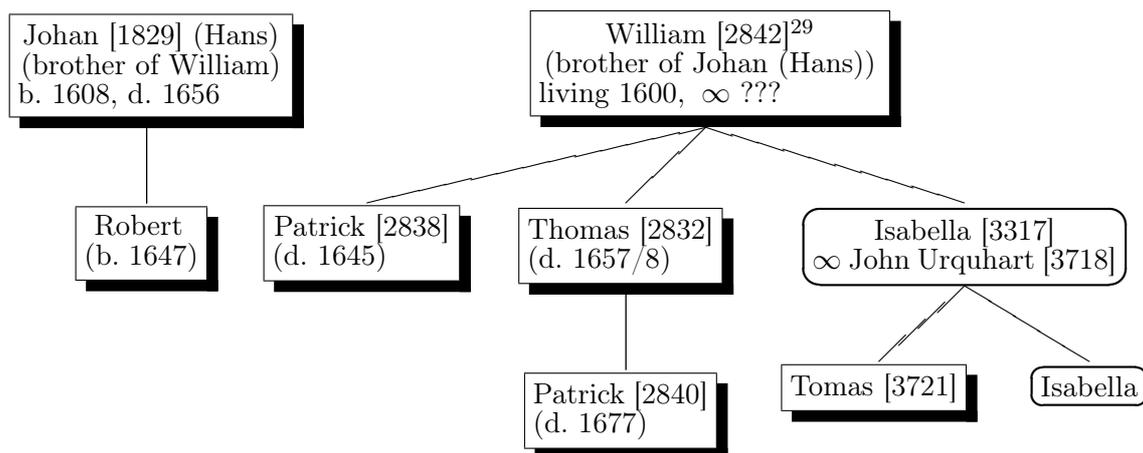
Рис. 5. Подлинное (вверху) и подложное (внизу) родословия; приведены те их части, где описана шотландская ветвь.

4. Были ли виконт Кенмур-Гордон близким родственником ландрата Лифляндии?

Ответы на оба эти вопроса несомненно отрицательные. К.Г. Левенвольде — внук Изабеллы, урожденной Архарт, вшедшей замуж за Кристофа Бернгарда Левенвольде (см. [14], с. 609); отец ее — Джон Архарт, а мать — Изабелла Кинмонд (а вовсе не Изабелла Кенмур-Гордон).

Эти родственные связи со ссылкой на документы о шведском дворянстве указаны в [13]. Помимо этого, информация о родственных связях семьи Киннимонд (Kinnimond of that Ilk) даны в [20], том 2, страницы 542–543²⁷.

Подкрепляет эти источники недавно созданный перечень [22] шотландцев на шведской службе в 17 веке. Он составлен путем скрупулезного изучения архивных документов. В приведенной выше диаграмме указаны восстановленные родственные связи семьи Киннимонд в Швеции, включая брак Изабеллы Киннимонд и Джона Архарта и их потомство. Номерами в квадратных скобках в этой диаграмме указаны записи в базе данных [22], которые относятся к Архартам и Киннимондам и которые приведены ниже.

ID 2826: Дэвид Киннемонд (David Kinnemond)³⁰;

ID 2827: Джеймс Киннимонд (James Kinnemond)³¹;

ID 2828: Полковник Джон Киннимонд (John Kinnemond)³²

ID 2829: Джон Киннемонд (John Kinnemond)³³

«Джон Киннемонд был офицером шведской службы. Он был майором в пехотном полку в 1648»;

ID 2832: Томас Киннимонд (Thomas Kinnemond)³⁴

«В 1651 году Kinnemond стал полковником и командовал крепостью Дюнамюнде (Dunnamunde), которую сам и построил. В 1655 году он был полковником в полку, стоявшем под Выборгом. Неизвестно, когда он женился на Christina Scott [SSNE 6248], дочери полковника James Scott [SSNE 1638] и Margaret Gibson [SSNE 2834], но выбор им в жены шотландки подсказывает, что связи его с Шотландией были все еще сильны. У них было семь детей, из которых выжили два. Его сын Patrick [SSNE 2840] также вступил на шведскую службу, а дочь Christina [SSNE 6247] вышла замуж за шотландского офицера James Bennet [SSNE 1612]. Он умер в 1658 году.».

ID 2833: Джеймс Киннимонд (James Kinnemond)³⁵

ID 2837: Джон Киннимонд (John Kinnemond)³⁶

ID 2838: Патрик Киннимонд (Patrick Kinnemond)³⁷

«...он был возведен в дворянство после своей смерти вместе со своим братом Thomas Kinnemond [SSNE 2832] в 1650 году; с этим

человеком, который командовал Nyenmunde в Ливонии, его часто путают».

ID 2840: Патрик Киннимонд (Patrick Kinnemond)³⁸

«Patrick Kinnemond был сыном Thomas Kinnemond [SSNE 2832] и племянником Patrick Kinnemond [SSNE 2838]. Он служил сперва в полку John Kinnemond [SSNE 2828] прапорщиком примерно в 1648 году. Он умер в 1677 году при осаде Штеттина в чине подполковника. Его сестра Christina [SSNE 6247] вышла за шотландского офицера James Bennet [SSNE 1612]».

ID 2842: Вильям Киннимонд (William Kinnemond)³⁹

«William Kinnemond служил майором в вербованном полку Erik Ulfsparre в 1632 году. Он стал подполковником в 1635 году и полковником и возглавил вербованный пехотный полк в 1638 году. Его дочь Isabella [SSNE 3317] вышла замуж за шведского офицера John Urquhart [SSNE 3718]».

ID 3317: Isabella Kinninmund⁴⁰

«Isabella Kinninmund была дочерью William Kinnemond [SSNE 2842] и родилась в Шотландии. Она вышла замуж за John Urquhart [SSNE 3718]. После долголетней службы в Германии в 1655 году семья переехала в Birsen, в Ливонии, где John был командиром. У них было двое детей».

ID 3718: Colonel John Urquhart⁴¹

«Полковник John Urquhart принадлежал к древней шотландской семье благородного происхождения и прибыл в Швецию в начале 1630-х годов. ... В 1648 году он был возведен в шведское дворянство. ... Он полковник в гвардии королевы Кристины. ... Умер в 1656. Был женат на Isabella Kinninmund [SSNE 3317], родившейся в Шотландии дочери William Kinninmund. У них было двое детей, один из которых Thomas [SSNE 3721]».

ID 3719: John Urquhart⁴²

ID 3720: Magnus Urquhart⁴³

ID 3721: Thomas Urquhart⁴⁴

«Thomas Urquhart был сыном Johan Urquhart [SSNE 3718]. Последний раз он упоминается прапорщиком в 1655 году».

Знали ли об этом Левенвольде в 1726 году? Частично знали. Немного забегаю вперед, скажем, что в родословии Г.Р. Левенвольде [23], датированном 19-м августа 1726 года и ныне хранящемся в РГАДА (см. верхнюю часть рис. 5),

- сам Густав Рейнгольд Левенвольде показан сыном Герхарда Иоганна Левенвольде и Магдалены Элизабеты Лёвен (что никаких сомнений не вызвало);
- отцом и матерью Герхарда Иоганна Левенвольде показаны Кристофер Бернхард Левенвольде (Christopher Bernhard von Loewenwolde) и Изабелла Архарт (Isabella von Orcquart);
- далее — Изабелла Архарт показана дочерью Джона Архарта (Johann von Orcquart) и Изабеллы Киннимонд (Isabella von Kinnemundt);

Рис. 6. Густав Рейнгольд Левенвольде (род. 1693, ск. 22 июля 1758), младший (из трех) братьев; самый младший брат Карла Густава Левенвольде (род. не ранее 1680, ск. 30 апреля 1735).

- отцом Джона Архарта показан баснословный Канутус Архарт (Canutus von Orcquart), а отцом Изабеллы Киннимонд показан (что не соответствует истине) Томас Киннемонд (Thomas Kinnemundt).

Как мы видим, Густав Рейнгольд Левенвольде помнит о своей шотландской бабушке (Isabella von Orcquart), прадеде (Johann von Orcquart), прабабушке (Isabella von Kinnemundt) и лишь немного ошибается относительно более ранних предков.

5. *Is fecit, qui prodest*: Дюк Лирийский и Милорд Маршал, или зачем изготовили подложное родословие?

Был ли маршал Шотландии Джордж Кит близко знаком с ландратом Лифляндии? Об их встречах нам не известно. Но вот то, что младший брат Джорджа Кита, Джеймс Кит, и его покровитель, Дюк Лирийский, были лично и близко знакомы как с Карлом Густавом Левенвольде, так и с Густавом Рейнгольдом Левенвольде, мы знаем доподлинно. Это весьма важно для нашего анализа, поскольку — согласно подложному родословию — семья наследственных Маршалов Шотландии состояла в весьма близком родстве с семьей Левенвольде.

Дюк Лирийский: испанский посол, миссионер и якобит. В своем похвальном слове Джорджу Киту, с которого мы начали, Д'Аламбер особо отмечает, что Яков II (VII) в 1715 году не только обращается к Франции и Испании за военной поддержкой, но и подталкивается Джорджем Китом к личному участию в вооруженных действиях. Д'Аламбер пишет об этом так⁴⁵:

«Не удовлетворясь тем, что за него подняли оружие его давние подданные, он просил поддержки Франции и Испании. Обращение к Франции

было бесполезным; она слишком нуждалась в отдыхе после четырнадцати лет неудачной войны. Испания, сильно измотанная той же самой войной, откликнулась более благосклонно; она отправила к берегам Шотландии несколько кораблей и некоторое количество войск, но сильная буря, которую не могли предвидеть, разлад вождей, которым более привычно было выжидать, и их ошибки в целом, как неизбежное следствие этого разлада, вскоре вынудили неудачливого претендента отбыть назад».

Вплоть до второй — и также неудачной — попытки вооруженного вторжения в Великобританию, которое осуществили якобиты в 1745 году, поиск ими прямой военной поддержки в разных странах был их постоянной задачей. Не исключением была и Россия.

Двор свергнутого в 1688 г. в результате «Славной революции» Якова II Стюарта находился в то время в Испании и многие якобиты, а не только Джордж Кит, состояли на испанской службе. К якобитам «по рождению» относился назначенный испанским послом в Россию Дюк Лирийский. Так звали его при русском дворе, но официально он титуловался Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика и был сыном внебрачного сына самого Якова II и Арабеллы Черчилль (сестры герцога Мальборо).

По датам этого посольства (с декабря 1726 по 1730) видно, что большая часть времени его пребывания в России приходится⁴⁶ на правление Петра II. В это царствование он⁴⁷

- как посол Испании, наладил связи при дворе Петра II, но внезапно — из-за скорострительной смерти Петра II — попал в сложное положение: в самом начале 1730 г., с восшествием на престол Анны Иоанновны, в силу оказалась партия, которая возвела Анну Иоанновну на престол и на которую де Лириа вовсе «не ставил»; братья Левенвольде были в числе наиболее влиятельных лиц этой партии⁴⁸,
- как ревностный католик, имевший задание если не привести Россию в лоно католической церкви, то всячески способствовать этому, пытался заниматься прозелитизмом,
- как якобит, заручился благосклонностью в деле поддержки Претендента, как называли Якова II.

Почему мы уверены в близком знакомстве Дюка Лирийского и братьев Левенвольде? Потому, что Дюк писал об этом сам; особо интересны его записи, относящиеся к ключевому для нас 1730 году.

Итак, дадим слово Дюку Лирийскомуⁱⁱⁱ:

«Августа 13-го, Граф Потоцкий раскланялся с Царицею, которая пожаловала ему орден Св. Андрея. Он уехал 14-го того же месяца, дабы успеть еще присутствовать на сейме в Гродно. Сентября 10-го отправлялся по обыкновению праздник ордена Св. Александра, и все мы, кавалеры сего ордена, имели честь обедать и ужинать с Е. В., после чего был прекрасный фейерверк. В тот же день Царица пожаловала сим орденом генерала Вейсбаха, получившего притом повеление отправиться

ⁱⁱⁱВ русских переводах фамилия Кит часто дается как «Кейт»; при их цитировании мы все же будем писать «Кит».

на сейм в Гродно, в звании министра Ея Величества. *В то же время Е. Ц. В. приказала составить третий гвардейский пехотный полк, который наименовала она Измайловским, определив полковником его генерала Левенвольда, а подполковником генерала Кита. Возвышение Кита причинило мне большое удовольствие, ибо, кроме того, что я весьма любил его лично, через меня вступил он в Русскую службу за два года перед сим».*

И далее⁴⁹:

«Решила она наградить и старшего графа Левенвольде, который стал полковником гвардейского полка, и его брата, который был одним из камергеров, а стал гофмаршалом двора».

Дюк Лирийский не сообщает, каким образом генерал Кит был «определен подполковником Измайловского полка». Уточнения требует и то, в каком смысле был «награжден» старший граф Левенвольде — известный нам Карл Густав.

То, что Анна Иоанновна «приказала составить третий гвардейский пехотный полк, который наименовала она Измайловским», следует понимать вполне определенно и не так празднично, как пишет об этом Дюк Лирийский. В полковой истории л.-гв. Измайловского полка [5], среди разных технических деталей его формирования⁵⁰, ясно сказано:

«17-го февраля 1731 года, Измайловцы в первый раз представились на смотр Ея Императорскому Величеству на Царицыном лугу за Москвой рекою. Тут они получили знамена, принесли присягу на верность службы. 28-го мая в первый раз заступили в дворцовый караул на смену л.-гв. Семеновскаго полка и с тех пор начали нести службу наравне с двумя старыми полками».

И тут уместно вспомнить слова В.И. Ульянова (Ленина) «... всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»^{iv}. В самом деле, формирование Измайловского полка гвардии было важнейшей составной частью взошествия на престол Анны Иоанновны, событий, в результате которых «митавские кондиции» были разорваны и, по словам А.С. Пушкина, «Россию двинули вперед ветрила те ж, средь тех же вод». Так что доверив Карлу Густаву Левенвольде формирование нового полка гвардии (по сути, двух: второй — л.-гв. Конный), Анна Иоанновна не столько «наградила», сколько доверила в его руки свою судьбу. Она имела на это основания, поскольку и первую часть ее переворота она, как известно, спланировала с ним же.

Теперь вернемся к Джеймсу Киту, который пользовался активным покровительством Дюка Лирийского. Занятно, что он может рассказать о своем «определении подполковником» сам. Итак⁵¹,

«я жил в империи без малого год, меня не интересовали любые повышения. Я видел всех этих фаворитов, с удовольствием полагал, что на службе буду до тех пор, пока время не даст мне повода разорвать с ней; я не был знаком с графом Левенвольде, но однажды вечером был удивлен визитом посланца от Лефорта, он объявил мне, чтобы я завтра явился ко

^{iv}Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.

двору (который тогда был в сельской местности), так как мне хотят что-то сообщить. Всю ночь я думал, что могло означать такое предложение, советовался с собой, что я мог сделать некстати, за что могу получить выговор от адъютанта императрицы и нашел себя невиновным, но сделал вывод, что при дворе у меня могут быть несколько врагов, которые могли оговорить меня. Полностью моя мысль подтвердилась, когда я пришел следующим утром к Лефорту и нашел его с его кузеном, польским посланником, и де Лириа. Он уверил меня, что посланник ничего не знал, так как он сам хотел сообщить мне об этом. Увидев мое смущение, де Лириа сказал то, что ему известно: для графа Левенвольде создан гвардейский полк, и что он намерен предложить мне звание подполковника^У; на что я ответил то, что знаю о создании полка, что он, такой как обычно, только на один батальон больше, и что я не могу принять звания, так как уверен, что эта служба может быть предложена другому, а не самому молодому в моем звании в армии. Все согласилось со мной, что я может быть что-то еще и, терзаясь этими сомнениями, прибыл в Измайлово, где тогда был двор и засвидетельствовал свое почтение графу Левенвольде с очень взволнованным видом. Как только он увидел меня, то отвел в сторону и, после комплимента, предложил звание подполковника в его полку и в то же время дал двадцать четыре часа на раздумья. Я поблагодарил его за предложение и сказал, что не заслужил такого доверия и что двадцать четыре часа мне не нужны; через два дня он представил меня императрице, объявив подполковником своей гвардии. Вся Москва была удивлена, так как это звание считалось очень почетным в империи; к офицерам гвардии относились с уважением, и поэтому я принял сотни визитов от людей, которых раньше не видел и не слышал о них в своей жизни, и, кто-то предполагал, что я, конечно, должен быть в фаворите при дворе, в чем они были удивительно обмануты».

В том, что Джеймс Кит (1696–1758), в то время молодой человек 34 лет, был замечен ближайшим приближенным и конфидентом только что победившей «верховников» Анны Иоанновны, человеком — добавим — чрезвычайно занятым, не обошлось без Дюка Лирийского. Не даром же «возвышение Кита причинило мне — пишет Дюк — большое удовольствие, ибо, кроме того, что я весьма любил его лично, через меня вступил он в Русскую службу за два года перед сим».

Но Дюк Лирийский здесь недоговаривает: это «возвышение» не обошлось без трудов по составлению подложного родословия [12], в котором — напомним — Левенвольде и Киты показаны близкими кровными родственниками.

6. Ложь и коварство — прибежище глупцов и трусов

Вынесенные в заголовок этого раздела слова сказал Филип Дормер Стэнхоуп, 4-й граф Честерфилд⁵² (1694–1773), современник описываемых нами событий.

Итак, удалось ли Дюку Лирийскому ввести в заблуждение Карла Густава Левенвольде? На первый взгляд, да, удалось: его протеже Джеймс Кит стал

^УИменно так! В переводах часто «Lieutenance Collonel» и «Lt Collonel» неправильно переводят как «должность полковника» и «полковник». Это существенно нарушает весь смысл текста: полковником л.-гв. Измайловского полка был сам К.Г. Левенвольде, а после его смерти в 1735 году – Монаршая Особа. — *Прим. В.М.*

прямым и непосредственным подчиненным своего «кровного родственника» и получил престижный пост при русском дворе.

Но посмотрим на это с другой стороны. Сейчас мы уже знаем, что Джеймс Кит (1696–1758) стал генерал-аншефом на русской военной службе и потом (в 1747) прусским генерал-фельдмаршалом. Он сделал весьма достойную карьеру военного. По словам знавшего его по службе В.А. Нащокина, слова которого о Карле Густаве Левенвольде мы цитировали в начале статьи,

«Кит по справедливости был человеком наполнен чести и весьма из учтивости скромный. Несчастье с ним произошло, когда он непристойные выговоры получал от Военной коллегии, в которой тогда главным членом был генерал Апраксин, не великой ему приятель; особливо, имея довольно друзей, несколько его уничтожал: большая тому страсть была, что перед ним Кит был старший. Он был храбр без горячности; правосуден с разумным рассмотрением, учтив и любим подчиненными. Исправляя должность гетмана он, своим правосудием и различным распоряжением, заслужил преданность к себе малороссийского народа. Он жизнь препровождал нескупо, но всегда с умеренностью, и весьма был несребролюбивым».

Так что, остро нуждаясь в дельных помощниках, Карл Густав Левенвольде не ошибся в своем выборе — будь Джеймс Кит действительно его кровным родственником, или нет.

Скорее же всего — и это наше мнение — Карл Густав Левенвольде подложное родословие распознал до встречи с Джеймсом Китом. Почему мы так считаем со значительной долей уверенности? Во-первых, потому, что это «родословие» никогда не было введено в оборот деловых бумаг. Это видно по копии И.К. Бротце, который, делая ее, наверняка отметил бы следы бытования этой бумаги — такие как печати и подписи удостоверяющих ее лиц — если бы они были. На родословии К.Г. Левенвольде, шотландская часть которого — в отличие от прочих ее частей — осталась на латыни, то есть так и не была переведена на немецкий язык прочих ее частей, таких следов не наблюдается. То, что И.К. Бротце обнаружил родословие К.Г. Левенвольде среди прочих малозначимых бумаг, а не в государственном хранении, где и до сих пор находится родословие Г.Р. Левенвольде, много говорит об отношении владельца к этой курьезной бумаге.

Во-вторых, мы помним, что семья Левенвольде знала своих шотландских родственников настолько, чтобы увидеть отсутствие Изабеллы Киннимонд и присутствие «Изабеллы Кенмур-Гордон». Легко объяснить, почему она появилась в подложном родословии: виконту Кенмур-Гордону отрубили голову за участие в якобитском восстании 1715 года.

В-третьих, братья Левенвольде имели с кем обсудить это неожиданно свалившееся на их головы «откровение» о шотландских родственниках: их родная сестра была замужем за Бернтом Фридериком Шлиппенбахом, а сестра последнего была женой графа Густава Отто Дугласа, который, после плена под Полтавой, был приглашен Петром I на русскую службу. Итак, вместе с графом Дугласом — а может быть и с потомством Александра Лесли оф Охинтул, который на русской службе звался Авраамом Лесли — они могли разобраться с якобитской затеей; как известно, Авраам Лесли был в свойстве с Киннимондами.

Обман подобен спичке, которая очень быстро сгорает, но пахнет еще очень долго. Итак, будем считать, что Карл Густав Левенвольде *быстро* разобрался, что Дюк Лирийский изготовил, или заказал, что безразлично, подложное родословие и расставляет перед своим новым «дорогим другом» вполне определенные капканы. Что он сделал, разобравшись?

Это можно предположить, зная, как К.Г. Левенвольде относился к похожим глупостям. Итак, в далеком марте 1723 года,

«несмотря на то что река только что вскрылась и постоянно еще запруживалась множеством льда, император (Петр I. — *Прим. В.М.*) плавал уже по ней взад и вперед и, как говорили, несказанно радовался, что вода открылась в этот год так рано, как никто не запомнит, потому что обыкновенно лед проходит здесь целым месяцем позже. В этот день приехали в Петербург оба Гессен-Гомбургских принца с подполковником Левольдом (Карлом Густавом Левенвольде. — *Прим. В.М.*), который сопровождал их. Младшему, говорят, шестнадцать, а старшему семнадцать лет. Они остановились очень далеко от нас, и неизвестно еще, как велика состоящая при них свита».

В апреле 1723 г.,

«выходя из дворца, мы встретили генерала Ягужинского, который вел за руки обоих Гессен-Гомбургских принцев, идя с ними к императору; но его высочество не заметил этого. Оба этих принца живут в доме покойного генерал-майора Голицына. Подполковник Левольд, приехавший с ними в Петербург, несколько дней тому назад читал некоторым хорошим приятелям смешное место из одной голландской газеты, присланной ему отцом молодых принцев, именно, будто император российский ссудил князя Гессен-Гомбургского значительною суммой денег, в обеспечение которой последний отправил к его величеству в виде залога обоих своих сыновей. Между тем, говорят, эти принцы будут получать от императора ежегодно 6 000 рублей и провиант на 15 лошадей...».

Другими словами, дураков всегда хватает.

Но своему ближайшему окружению — двум своим братьям, сестре, своему зятю Б.Ф. Шлиппенбаху, графу Г.О. Дугласу, Э.И. Бирону, «который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы», но «не только сего мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но даже, чему дивиться должно, некоторым образом его боялся», а, возможно, и самой Анне Иоанновне — Карл Густав Левенвольде о сем поступке Дюка Лирийского, вероятно, поведал.

Если это так, то забавно было всем этим людям затем наблюдать за поведением *оправдывающегося* и доказывающего свои всегдашние благие намерения Дюка Лирийского. Послушаем его самого:

«Октября 12-го, Царица наименовала Генерал-Прокурором в Сенат генерала Ягужинского. Чин сей означает генерал-фискала, ибо все дела Сената должны быть под ревизиею сего чиновника. В то же время, Е. В. приказала Ягужинскому присутствовать при всех конференциях об иностранных делах, чем много уменьшилась сила Графа Остермана; он после того не был уже, как до сих пор, полномочным властителем всех конференций. Ягужинский находился в звании Генерал-Прокурора еще при Петре Великом, и все были им тогда очень довольны. Едва только

принял он теперь снова свою должность, дела Сенатския стали отправляться с большею поспешностью и к общему удовольствию всех. Никто не радовался более меня, ибо Ягушинский всегда был мне искренним другом и остался им до конца.

В тот же день Е. В, пожаловала орден Св. Андрея Графу Бирону, и мне показалось приличным употребить сей случай для моего оправдания.

Действительно, отправясь к нему 13-го, нашел я его одного, и поздравив с Царскою милостью, им полученною, услышал и от него те же изъявления чувств, какия делал он мне в последний раз.

Я сказал ему, что вверяюсь его дружбе, хочу открыть ему мое сердце; что он должен знать лживыя обвинения, которыя взвели на меня некоторые люди, дабы причинить мне вред в мнении Е. Ц. В., и что не сомневаюсь я в возможности доказать мою невинность в немногих словах:

1) на то, что говорят, будто я был искренний друг Князя Василья Долгорукаго и его главный советник, могу отвечать, что никогда не имел с ним связей, и напротив, во всё время, пока я был в доверенности у Князя Ивана, любимца Петра II-го, Князь Василий постоянно старался нас посорить, в чем действительно и успел за четыре месяца до смерти Царя, как может то засвидетельствовать Гоф-маршал Граф Левенвольд, тщетно старавшийся нас помирить.

2) на то, что говорили Царице, будто я сильно противился ей самодержавию, подавая свои советы желавшим учредить республику, могу отвечать, что во все время, пока продолжались споры о самодержавии, я тщательно избегал всяких сношений с Рускими, дабы ничего не говорить о сем предмете а в беседах с моими друзьями всегда смеялся я над глупою горячкою республиканцов, почитая ее шалостью, и уверяя всегда, что все споры кончатся объявлением Царицы самодержавною государынею, и всегда предварял я о том мой Двор, что могут доказать списки с депешей, которыя готов я показать Его Превосходительству, прося его сделать мне милость, верить, что я не потерял еще разсудка. И как вовсе нет особеннаго интереса Королю, моему Государю, будет ли Царица самовластною государынею, или нет, то и не почитаю еще я себя таким дураком, который вмешивался бы в дела, которыя вовсе до него не касаются.

3) касательно того, что говорят враги мои, будто я приверженец Графа Морица Саксонскаго, и весьма увлекаюсь оборотом дел в его пользу, ведя с ним постоянную переписку, то я не могу оспорить, что я друг его уже более 15-ти лет, но не до такой степени, чтобы захотел я быть его агентом, ибо то не приличествует, ни моему характеру, ни моему рождению. Дела упомянутаго Графа не касаются Короля моего Государя, который в них не вмешивается, а сам я не такой человек, чтобы стал действовать без повелений Его Величества. Когда проезжал я через Данциг, то видел там Графа Морица, и он просил меня достать ему любовныя письма, находившияся в ящичке, взятом у него Рускими в Курляндии, и ныне находящемся в руках Русских Министров. Несколько раз начинал я говорить о том Графу Остерману, прибавляя, что ни намерения, ни обязанности у меня нет вмешиваться в дела Графа Морица, но я просто прошу отдать только ему любовныя письма его, в которых никакой важности для России не заключается. Граф Остерман

несколько раз обещал мне письма отдать, но слова своего не исполнял, а Граф Мориц писал мне о том три, или четыре раза, не упоминая в письмах ни о чем другом. Я показал и самые письма, клянясь притом Графу Бирону, что никогда, ни прямо, ни косвенно, ничего не говаривал я о делах Графа Морица. Я дал притом знать любимцу, кто были люди, распространившие ложные обо мне слухи, в которых видны яд и злость Графа Остермана, и других, кого не хочу я именовать (то есть, Графа Вратислава, Барона Мардефельда и Барона Чама), и все из опасения, какое они имеют, что если я приорету доброе расположение Царицы и Его Превосходительства, то они не в состоянии будут успевать в своих предприятиях. Но, благодаря Бога, я презираю подобных неприятелей, следуя всегда путем чести и истины, котораго не переменю для их удовольствия, ибо сей путь есть обязанность, неразлучная с моим званием и моим рождением. Я кончил мое объяснение, прося соблаговолить удостоить меня сообщением слов моих Царице, уверив в то же время Е. В., что нет у нея ни одного подданного, который более меня уважал бы ее, и был более предан ей особе.

Граф Бирон слушал меня с величайшим вниманием, и когда я перестал говорить, сказал мне, что он не преминет отдать Царице отчет во всем, что я говорил ему, присовокупляя уверение, что, действительно, старались делать Е. В. все внушения, о которых я объяснялся, но он может уверить меня, как честный человек, что Ея Величество уже разуверилась в том, и так меня уважает, что при всяком случае говорить обо мне с отличием. Что касается до него лично, то он всегда был и хотел быть другом моим, сделает все возможное при сем случае, дабы дать мне в том доказательства, присовокупляя еще почти со слезами на глазах, другия выражения своей преданности и почтения ко мне.

От Графа Бирона отправился я к генерал-майору Графу Левенвольду, моему старому другу, имевшему полную доверенность Царицы и Графа Бирона, и когда я рассказал ему обо всем, что говорил Бирону, он обещал мне с своей стороны постараться решительно разуверить на счет мой Царицу.

... Оправданием моим одолжен я был Графу Бирону и генералу Левенвольду, показавшим мне при сем случае безконечную дружбу, ибо они не переставали принимать участие в пользу мою, пока не открыли Царице всех лжей, изобретенных на счет мой со стороны Австрийской».

Не известно, показали ли в конце концов испанскому послу, потерявшему лицо, на дверь сами хозяева, или он отбыл по причине окончания своей миссии, только известно, что в 1730 году он из России уехал.

Однако на этом Дюк Лирийский не успокоился. Он написал пасквильные «Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском российском дворе в звании посла короля испанского, 1727–1730-х годов» [2], переведенные с французского и изданные через сто лет.

Частью записок является «Отдельное рассуждение о характерах различных особ при дворе Российском», на которые историки с тех пор ссылаются как на свидетельство современника. Посмотрим, что Дюк Лирийский сказал о братьях Левенвольде, к которым испытывал «безконечную дружбу»:

«ГРАФ ЛЕВЕНВОЛЬД, СТАРШИЙ. Полковник третьяго гвардейскаго полка и генерал-лейтенант, хоть и не Русский, но Лифляндец и Русский подданный. Имел дарования и был ловкий, смелый, отважный и лживый

858	Lewenwolde	859
	Lewenwolde	859
	<p>III. Jacob II., 1588 †, 1557, 1560 Dorpater Domherr; ∞ Maria Berner, 1588 II. 26. Witwe.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Gerhard I., 1597—1603. 2. Johannes II., I. IV. 3. Carlpar., 1600. 4. Hans, 1597, 1619 †. 5. Anna, 1619. <p>IV. Johannes II., 1593, 1605, a. Paddas; ∞ [Anna v. Tiefenhausen, † d. Heinrich, a. Odenker, † p. 1556, u. d. Anna v. Rojen a. d. H. Pernigel (Viel.)].</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Johannes III., I. V. 1. 2. Gerhard II., I. V. 2. 3. Elisabeth; ∞ I. Anton Kantelberg, 1595 im Rip. Smitten, 1626; ∞ II. Christoffer v. Wolfframsdorff. 4. Anna, 1619. <p>V. 1. Johannes III., 1619 †, a. Paddas; ∞ I. Anna v. Tiefenhausen, † d. Wolter, a. Rosthof (Viel.), † a. 1599, u. d. Sophia v. Tiefenhausen a. d. H. Randen (Viel.); ∞ II. Margaretha v. Zweiffeln (∞ II. Heinrich v. Ungern, a. Zittel (Viel.), † a. 1619), † d. Bernhard, a. Wallgeil, × a. 1626 auf dem Zuge nach Rußl., u. d. Dorothea v. Wangell a. d. H. Hddinal.</p> <p>ex II. Margarethe, 1657, Erbin a. Paddas; ∞ Hermann v. Weilingshausen, 1629 a. Bremenhof (Viel.), † 1640.</p> <p>V. 2. Gerhard II. (Gert), 1596, 1616, † 1646, a. Malla u. Ruhbe, 1626 a. Ludgen, Ainajal, Statth. v. Treiden; ∞ I. Gertrud v. Pattul, 1630, † d. Jürgen, a. Saunelapen (Viel.), † a. 1594, u. d. Gertrud v. Zweiffeln; ∞ II. Anna Katharina v. Hundertmarkt, gen. Spanenberg (Spatzberg, Sponenberg) (∞ II. Gotthard Welling, a. Neme).</p> <p>ex I. 1. Johann, † a. 1668, a. Ludgen (Viel.) u. Ruhbe; ∞ Sophie Elisabeth v. Derfelden, † d. Johann, a. Klosterhof, schwed. Adm., † 1633, u. d. Elisabeth v. Plate a. d. H. Felix (Viel.), Stammvater der fof. Häufer: Ludgen-Kappin, siehe Teil Viel.</p> <p>2. Margarethe, * 1603, † 1661 V. 31.; ∞ 1626 Heinrich v. Klebed, a. Ludon (Viel.), Landt.</p> <p>3. Anna, * 1608; ∞ Carlpar v. Ermes, † a. 1649, 1630 a. Kolenberg (Viel.), schwed. Obt. u. Rmbt. v. Erfurt 1640—1646.</p> <p>VI. ex II. 4. Christoph Bernhard, a. Malla, 1648—1663, schwed. Kap.; ∞ Isabella v. Urquart, † d. Johann, schwed. Obt., aus Schottland, u. d. Isabella Kemur-Gordon.</p>	
		859
		610
		Lewenwolde
	<p>1. Anna Margarethe; ∞ 169.. Joachim Friedrich v. Lewenwolde, † a. 1711, a. Ainajal.</p> <p>VII. 2. Gerhard Johann, □ Dorpat 1723 IV. 26., a. Malla, fisch. Geh. Kriegsrat; russ. W.G.R.; 1710—1713 General-Bevollmächtigter Peters des I. in Liv- und Estland; ∞ Renal 1680 Magdalene Elisabeth v. Löwen, † d. Georg Johann, a. Lode, † 1681, u. d. Barbara Dorothea v. Herien a. d. H. Mantill.</p> <p>VIII. 1. Charlotte; ∞ Berend Friedrich Frcht. v. Schlippenbach, a. Alt-Bornhufen (Viel.), † a. 1745.</p> <p>2. Graf Gustav Reinhold, * 1693, † Sjolitamit 1758 VII. 22. in der seit 1742 holländischen Verbannung; a. Maart u. Koffiker; 1726 X. 24. russ. Graf; a. Kappin, Schf. Birtner, Jannau, Bauenhof, Wiffenhof, Kaffler, Mojahn in Viel., 1730 Ob-Hoim, Katharina I., Ritter des St. Andreas-Ord. u. preuß. schw. Adler-Ord.</p> <p>3. Graf Karl Gustav, † Kappin (Viel.) 1735 IV. 30., a. Malla, Talsburg (Ehl.) u. Ainajal (Viel.), 1717 a. Rip, Kappin u. Diefeln (Viel.), Obt. d. Ismailow-Garbe, R. d. St. Andreas-Ord.; Stallmeister d. Kaiserin Anna, Geliebter in Wien; ∞ (Timberos) Charlotte v. Rojen, † 1782, Erbin a. Klein-Roop (Viel.), † d. Otto Johann, † 1709, u. d. Anna Margarethe v. Rothhausen.</p> <p>4. Graf Friedrich Casimir, † p. 1769; Rhr., russ. Geliebter in Warschau; 1730 XI. 25. Reichsgraf (Dipl. 1740 VI. 18.); 1734 Gen. Maj. in deutsch-taijerl. Diensten, 1741 Gen.-Feldzeugmeister, taijerl. Gen. d. Kav.</p>	
	Anmerkungen zur Stammtafel.	
	<p>a d I. Joh. (Hans) v. V. WH. I. 221, 337, 689 — 1504 in russ. Gefangenst., in Solomna (U8. II. 2 Nr. 597); beide Ehefr. aus alten Amentafeln, sind unvollst.; Leichenz. des Joh. Häfter 1675. — WH. I. 1017; UGH. II. 996, 622. — Ufefe 1/3 vielleicht die Adelfin d. St. Katharinen-Klosters in Dorpat 1557, 59. — Urkoben: Weiffelstein.</p> <p>a d II. Jacob I. „der Ältere“ WH. I. 741, 1017, 1482, 1485, diese Urk. WH. I. 1490 ist falsch datiert; die Erblichung des alten Jacob muß vor 1537 stattgefunden haben, da der dort erwähnte Sohn Johann schon 1537 † war. — Malla ist 1586 im Feiig des Carl Heinrichs Herrn (Beit. VII, S. 22), 1590 wird der 1/2 Hof Malla der Magdalene v. Rojen (∞ Lewenwolde) u. ihrer Tochter ausgesprochen (Beit. VII, S. 157); 1591 verk. König Johann Malla an Magdalene v. Rojen, Berend Sadgen u. seinen Hefr. Dorothea Kembe (3b. I. Genet. 1909/10, S. 115).</p> <p>a d II. 2. Johannes, 1586 †, wurde 1559 XII. im Hofe Jih von den Russen gefangen (Hener, Viel. S. 274).</p> <p>a d III. Jacob II. Administrator d. Renaler Kirche (3b. I. Genet. 1911/13, S. 122, 123. Ein Jacob II. 1571 VIII. 10. in schwed. Gefangenst. (Walt. Nam. Gesch. Mitt. 1638 S. 44; lebte noch 1582 (Memo. St. Andr., Weiffelstein S. 404); seine Wwe. M. Berner (Reg. Cb. Soden Nr. 1629).</p> <p>a d IV. Johannes II. ist einzeltang auf Ostell u. in Churland gewesen, nach der Weiffelsteinschen Eroberung (1581) wieder anhere kommen; Bannerh. Heinrich v. Tiefenhausen S. 92.</p> <p>a d V. 1. Johannes III. Bannerh. Heim. v. Tiefenhausen S. 69; Reg. II. Sig. Nr. 358; B. Frcht. v. Ungern, Zernow, S. 46; Sibbr. Riga 1894 S. 102. Aufwurt. Weiffelsteins S. 10.</p> <p>a d V. 2. Gerhard II. Drebro 1616 IV. 1. König Karl verk. dem St. Gerdt Kembe d. Hf. Gr. Ruhbe; 1641. 1649 befiht er Kl. Ruhbe (3b. I. Genet. 1909/10). 1619 VII. 11. Renal: Gerhard v. d. Z. wpl. hgh mit I. Schöningerin Werg. v. Zweiffeln.</p>	

Рис. 7. Из родословной росписи ([14], с. 609, 610) Левенвольде из дома Малла. Матерью Изабеллы Архарт, жены Кристофа Бернарда (п. VI), показана Изабелла Кенмур-Гордон.

человек. Любил славу своей Царицы и имел у нея большую доверенность. Но его ненавидели Русские, потому, что система его состояла в том, чтобы употреблять в делах только иностранцов. Был великий игрок, и притом очень скуп, способен на подкуп, но благоразумен в советах.

Граф Левенвольд, младший. Гоф-Маршал Царицы Анны, человек сааго дурнаго характера, кааого только видал я в жизни моей. Счастием своим обязан был он женщинам, но способен на всякое дело для достижения своей цели. Ничто его не останавливало, и он пожертвовал бы лучшим другом, и человеком, которому всем был обязан, если бы только видел в том свою пользу. Честолюбие было у него чрезмерное и тщеславие большое. Религии у него не было никакой и едва ли даже верил он бытию Бога. Корысть всегда его руководствовала и он был лжив, хитр, ненавидим народом, но в то же время благороден в общении, снисходителен, внимателен, хорошо служил своей Царице и умел придавать блеск ея праздникам; умен и довольно красив собою».

Как говорится, «если тебя хвалит враг — подумай, какую глупость ты совершил», и наоборот. Ознакомившийся с нашим анализом читатель согласится, что многие поносные места в этой «характеристике» Дюка Лирийского следует считать похвалой.

7. Veritas vincit — или зачем нужен наш анализ

Мы никогда с полной точностью не узнаем, кто изготовил подложное родословие. Но нам и не интересен непосредственный технический исполнитель. Нам интересен заказчик, тот, в чьих интересах оно было изготовлено.

Мы никогда не найдем ни письменных следов этого заказа, ни счета на его оплату, но мы определенно знаем, в чьих интересах была изготовлена эта бумага. Круг этих лиц невелик: это Дюк Лирийский, Джордж Кит и — возможно — кто-либо еще их ближайшего окружения⁵³. Даже если Джордж Кит не принимал в этом непосредственного участия, то, доверив судьбу своего младшего брата Джеймса Дюку Лирийскому, он не может считаться непричастным⁵⁴. Во всяком случае, все его попытки в дальнейшем поступить на русскую службу, включая последующие царствования, были безуспешными.

Принц Гамлет (см. В. Шекспир, «Гамлет», акт 5, сцена 2) просит своего старого друга Горацио⁵⁵ позаботиться о своей посмертной славе. В переводе А. Кронберга его слова звучат так:

«Какое я оставлю по себе
Запятнанное имя, друг Горацио,
Когда все так останется безвестным!
О, если ты меня любил — постой!
Не отворяй себе врата блаженства
И пострадай еще в ничтожном мире,
Чтоб повесть рассказать мою».

Значит, посмертная слава и незапятнанное имя — не пустой звук.

Восьмая из десяти святых заповедей Божиих гласит: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего»⁵⁶. Что это значит? Мы должны бояться и любить Бога так, чтобы не говорить неправды о ближнем своем, не предавать его, не клеветать на него и не распространять о нем худой молвы, но защищать его, стараться правильно понять его намерения и оценить его действия. Поняв же их, мы должны стараться все обратить к лучшему.

В нашем же случае мы имеем дело с изощренным лжесвидетельством, берущем начало в 1730 году в виде попытки обмануть «генерал-майора Графа Левенвольда, моего старого друга», и длящегося поныне; он приводил к обману многих и многих историков, составителей генеалогических атласов, да и просто частных лиц, среди которых относительно недавно был и сам автор этой статьи.

Кого ввело в заблуждение подложное родословие? Первым, кого ввело в заблуждение подложное родословие К.Г. Левенвольде, был, вероятно, И.К. Бротце, который воспроизвел его в его «Сборнике различных лифляндских памятных документов». Однако у И.К. Бротце к этому документу был совсем иной интерес, нежели выяснение его подлинности.

История массовых заблуждений началась позднее. Так, в фундаментальном труде [14] матерью Изабеллы Архарт, жены Кристофа Бернарда Левенвольде, деда К.Г. Левенвольде, показана Изабелла Кенмур-Гордон (см рис. 7). Читатель легко догадается, почему ошиблись авторы [14].

Поскольку [14] считается, и действительно является, фундаментальным источником информации о генеалогии балтийского рыцарства, ошибочные сведения, помещенные там, мультиплицируются всеми теми, кто использует [14] как

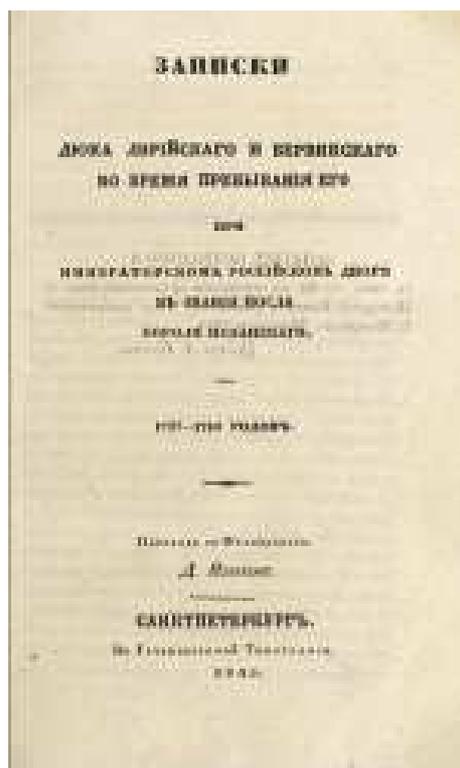

Рис. 8. Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1727–1730-х годов. [Барвик–и–Лирия Якоб]. Перевод с французского Д. Языкова. Спб, Гутенбергова тип., 1845.

надежный источник. Одним из них уже в 20-м веке стал Г. Мозер фон Фильсек (Herbert Moser v. Filseck) [19].

Кого еще *могло бы* ввести в заблуждение подложное родословие?

Информация о двух родословиях была в 2007 году опубликована автором (см. [21]). Сомнения, основанные на несовпадении в них шотландских ветвей, привели к более пристальному анализу родословия К.Г. Левенвольде, в котором участвовал Джим Гордон, профессиональный генеалог, специализирующийся на изучении Дома Гордонов. Взгляд специалиста, направленный на ту его часть, которая касалась именно Гордонов, отметил ряд существенных несуразностей. Вердикт был таков: «это родословие подложное».

Информация об истинных родственных связях Левенвольде и Архартов с Киннемондами, а не с Кенмур-Гордонами, была опубликована Джимом Гордоном и автором в 2010 (см. [15]). Однако кто, почему и с какой целью изготовил подделку, воспроизведенную в конце 18-го века И.К. Бротце в его «Сборнике различных лифляндских памятных документов», осталось незатронутым.

В попытках ответить на этот вопрос люди обычно прибегают к самому простому объяснению. А оно таково: подложное родословие изготовил сам К.Г. Левенвольде, желая «породниться» со старой шотландской аристократией. Это объяснение — хотя и нелепое при ближайшем рассмотрении⁵⁷ — не только приводит к ложному выводу, но и является посмертной клеветой.

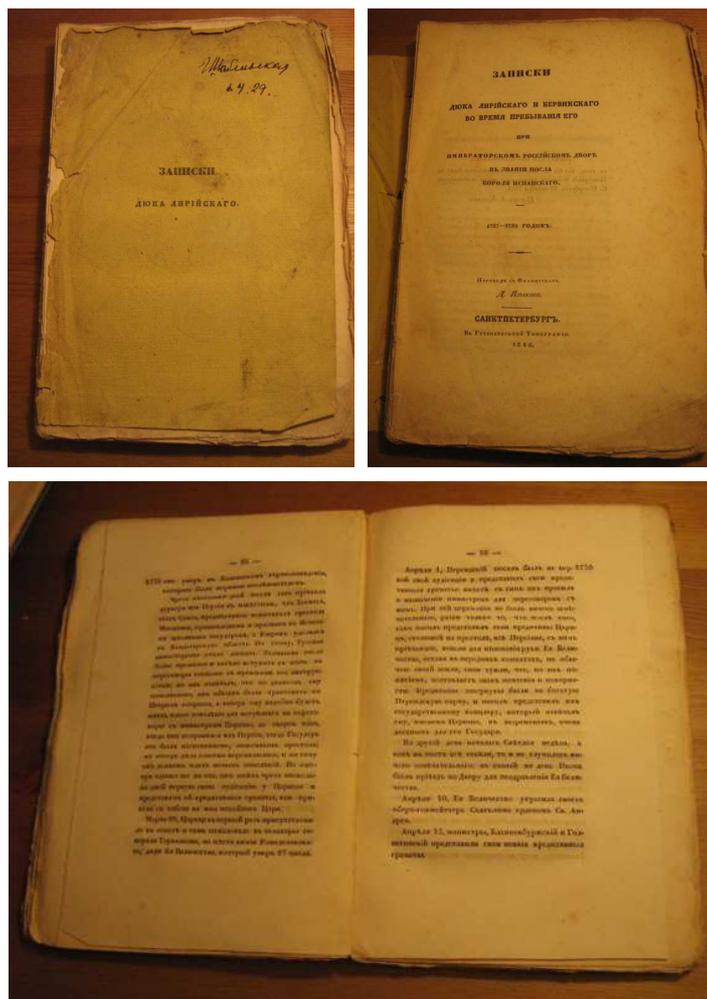

Рис. 9. Записки Дюка Лирийского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1727–1730-х годов. [Барвик–и–Лирия Яков]. Спб, Гутенбергова тип., 1845.

Останавливаться на самом простом объяснении не всегда грех. Это согласуется с методологическим принципом, известным как «бритва Оккама»⁵⁸. Но применение «бритвы Оккама» в нашем конкретном случае оказывается неправомерным. Это привело бы к существенному заблуждению и наш долг — заменить самое простое объяснение на правильное.

8. Заключение: как читать мемуары

Как известно, язык дан дипломату чтобы скрывать свои мысли, но «по плодам их узнаете их»: глаза чтобы видеть и голова чтобы здраво оценить эти плоды даны каждому. Поэтому «просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». Тут не обойтись без известного упорства, но говорят также, что именно работа делает человека свободным.

Проведя наше исследование, мы бы охотно сообщили его результаты, скажем, историку Н.И. Костомарову (1817–1885), сомнения которого относительно Густава Рейнгольда Левенвольде очевидны:

«Левенвольда сослали в Соликамск, оттуда в 1752 году перевели в Ярославль^{vi}, где он и умер. О нем сохранились противоречивые известия: по одним — он показал себя трусом, по другим — он переносил свое несчастье со стоическим терпением. Также и о нравственных качествах этой личности говорят различно. Дюк де Лириа называет его коварным и корыстолюбивым, Манштейн — человеком честным».

Но историк Н.И. Костомаров не с нами, а с праотцами нашими ныне обретается, где и получил — будем думать — ответы на все свои вопросы.

Благодарности

Автор благодарен сотруднику ГАРФ Рычаловскому Е.Е., который в 2004 году, в процессе выполнения запроса на копирование родословия [23] распознал и перевел в текстовый формат рукописный старонемецкий текст этого документа.

Автор благодарен редактору журнала «The Scottish Genealogist» Каролин Жерар (Caroline Gérard), которая оказала ему помощь при подготовке к печати статьи [21].

Автор благодарен Джиму Гордону (Jim Gordon), ко-администратору ДНК-проекта Дома Гордонов, который был соавтором статьи [15] и своим анализом подтвердил заключение, что родословие [12] противоречит имеющимся сведениям о семье Гордон.

Автор благодарен Дэвиду Уилки (David Wilkie), который любезно согласился ознакомиться с родословием [12] и первый, в 2007 году, высказал мнение о том, что оно содержит противоречия с известными фактами.

Автор благодарен Нэлли Михайловне Савенковой за сведения о жизни Г.Р. Левенвольде в ссылке в Соликамске.

^{vi}Левенвольде умер и похоронен в Соликамске. Как говорит Нэлли Михайловна Савенкова, сотрудник Соликамского краеведческого музея, «Костомаров ошибался, вероятно, путая Левенвольде с Бироном. Последнего, действительно, перевели в Ярославль из Пельма в 1742 году. Левенвольде отбывал ссылку и скончался в Соликамске, чему есть документальные свидетельства — Протоколы Правительствующего Сената. В частности, 10 выпуск за 1757–1758 гг. (СПб., 1903), где на с. 302 говорится о смерти Левенвольде в Соликамске.

Относительно того, как переносил ссылку граф, есть упоминание у Гмелина в его «Путешествии по Сибири» (уточню, Гмелин побывал в Соликамске в декабре 1742 г., т.е. в первый год ссылки Левенвольде): «Здесь мы жили во время поста, который начался с 15 декабря и продолжится до Рождества Христова. До нас дошел слух о пребывании здесь известного нам немца, который находился в ссылке и так устроился, что даже в пост не нуждался в мясе. Он выслал нам прекрасный кусок мяса из своего собственного запаса».

Речь идет о Левенвольде. Других ссыльных в то время в Соликамске не было. Гмелин не называет имени по вполне понятным причинам — из опасения обвинения в связи с ссыльным и в нелояльности к власти. Свой запас мяса во время поста о многом говорит, и запас значительный, если учесть, что группа Гмелина и его спутников насчитывала более 20 человек, и жили они в Соликамске 2 недели. Следовательно, кусок был не только прекрасный, но и крупный, и не последний. И посылка его участникам императорской экспедиции — жест скорее вельможи, чем жалкого ссыльного».

Нэлли Михайловна Савенкова заметила также следующее: «Строгановы не были хозяевами в Соликамске. Ошибочно считается, что Соликамск относился к их землям. Вотчина Строгановых входила в Соликамский уезд, но почти всегда происходили земельные и промышленные споры между соликамцами и Строгановыми. И воеводы заявляли свои административные права и всячески старались показать, «кто в доме хозяин». Думаю, тут большее значение имеет сам Левенвольде и его окружение — слуги, два из которых повара, и лекарь. Полагаю, у графа было, чем заплатить и за провиант, и за расположение к нему. После его смерти дом был продан купцу Суровцову, который обнаружил спрятанный сундучок с драгоценностями. Об этом сундучке нет документальных свидетельств, однако легенда довольно правдоподобна». — *Прим. В.М.*

Приложение А. Сопоставление родословий Г.Р. и К.Г. Левенвольде

Сопоставим родословия Густава Рейнгольда и Карла Густава Левенвольде. Почему мы уже сейчас называем второе из них подложным? Потому, что — как видно из предыдущего — прабабушкой К.Г. Левенвольде не является Изабелла Кенмур-Гордон. В дальнейшем мы покажем, что это не случайная ошибка. В родословии К.Г. Левенвольде систематически искажена шотландская часть, причем во всем множестве искажений видна система, а за этой системой видна цель.

Возьмем в качестве основы родословие Г.Р. Левенвольде [23], хранящееся в РГА-ДА и относительно подлинности которого сомнений нет, но в котором имеются значительные пробелы в передаче шотландской линии, и наложим на него родословие К.Г. Левенвольде [12], где многие пробелы якобы «устранены». Пустые места в родословии Г.Р. Левенвольде [23] обозначены ниже символом □. Информация, данная италикком, взята из родословия К.Г. Левенвольде [12], которое мы находим подложным.

“Gustav Reinhold Graff von Löwenwolde Ihro Kayserl[iche] Mayest[ä]t von Rußland Cammer Herr”

► Родители Г.Р. Левенвольде (1-е поколение)

- (1) Gerhard Johann Freyherr von Löwenwolde. Ihro Rußische Kayserl[iche] Mayest[ä]t Geheimbter Rath
- (2) Magdalena Elisabeth Freyin von Löwen auß dem Hauße Lohde

► Дедушки и бабушки Г.Р. Левенвольде (2-е поколение)

- (3) Christopher Bernhard Freyherr von Löwenwolde⁵⁹
- (4) Isabella von Orcquart⁶⁰ ⟨B [12]: *Isabella ab Urquart*⟩
- (5) Georg Johann Freyherr von Löwen von der LandRath des hertzogthums Esthland, herr auf Lohde, Seyer, Tönnola, Lesby und Melby
- (6) Barbara Dorothea von Fersen auß dem Hauße Rayküll

► Прадедушки и прабабушки Г.Р. Левенвольде (3-е поколение)

- (7) Gerhard Freyherr von Löwenwolde^{vii}
- (8) Gerderutha von Pattküll^{viii}
- (9) Johann von Orcquart ⟨B [12]: *Joh. ab Urquart, Toparcha in Kinbaikie Caroli X regis Svec. Tribunus militum 1663*⟩
- (10) Isabella von Kinnemundt ⟨B [12]: *Isabella de Kenmur, Gordon filia unica*⟩
- (11) Friedrich Freyherr von Löwen General von der Cavalerie, Geheimbter Kriegs Rath, Obrister von der Ritterschafft Land Rath in Esthland herr auf Lohde, Seyer, Tönnola, Lesby und Melby
- (12) Angnetha von Maydell aus Tockenbeck und Wiedenhagen
- (13) Hermann von Fersen Rittmeister von der Ritterschafft Herr auf Rayküll
- (14) Margaretha von Anrep aus Hähl

► 4-е поколение

- (15) Tönnis von Löwenwolde
- (16) Anna von Tiesenhausen
- (17) Georg von Pattküll
- (18) Gerderutha von Twieweln ⟨B [12]: *von Zweiffeln*⟩
- (19) Canutus von Orcquart ⟨B [12]: *Alexander ab Urquart Toparcha in Kienbackie, Castris et Comitatus Invernets? praefectus*⟩

^{vii}Даты жизни: пригл. 1575–1645.

^{viii}∞ 1599.

- (20) □ ⟨B [12]: *Margaretha de Abernethie primogenita*⟩
- (21) Thomas von Kinnemundt ⟨B [12]: *Thomas Kenmur, Gordon haeres Dominy de Penningham, regni Sver. Tribunus equitum*⟩
- (22) □ ⟨B [12]: *Isabella Kieth ex linea Pavburniana primogenita*⟩
- (23) Gerhard von Löwen Obristen und General Quartiermeister herr auf Seyer
- (24) Adelheid von Hastfer aus Kandel
- (25) Jürgen von Maydell LandRath in Esthland herr auf Tockenbeck und Wiedenhagen
- (26) Margaretha von Wrangel aus Kojel und Jess
- (27) Fabian von Fersen LandRath in Esthland herr auf Rayküll
- (28) Barbara Üxküll aus Kosck
- (29) Reinhold von Anrep FeldtMarschal und LandRaht in Ehstland, herr auf Hähl
- (30) Dorothea von Wrangel aus Ellistfer
- ▶ 5-е поколение
- (31) Jacob Johann von Löwenwolde^{ix}
- (32) Margaretha von Mexs
- (33) Heinrich von Tiesenhausen
- (34) Margaretha von Gilsen
- (35) Andreas von Pattküll
- (36) Helena von Gilsen
- (37) Tonnis von Twieweln
- (38) Margaretha von Owerlücken
- (39) □ ⟨B [12]: *Rodericus ab Urquart Toparcha in Kenbackie, Provinciae Rossiae Praefectus*⟩
- (40) □ ⟨B [12]: *Anna Monroe, tertia genita, obiit 1661, an at: 112*⟩
- (41) □ ⟨B [12]: *Joh. Abernethie, haeredit: Doming de Helmdel, Legionis milit. Chiliargus*⟩
- (42) □ ⟨B [12]: *Janetta nata de Sutherlandia 3-io genita*⟩
- (43) □ ⟨B [12]: *Georgius Kenmur Gordon har. in Penningham, regis Jacobi IV Consiliarius et Thesaurarius*⟩
- (44) □ ⟨B [12]: *Helena Ogilvie 3-io genita*⟩
- (45) □ ⟨B [12]: *Jac. Kieth Toparcha de et in Pauburn Provincia Marriae praefectus*⟩
- (46) □ ⟨B [12]: *Maria Grahame 2-da genita ex linea Ballgown*⟩
- (47) Johann von Löwen aus dem Hauße Morsen Hoffrath und Cammer Juncker bey dem Hertzog Magno von Holstein
- (48) Margaretha von Lennepen
- (49) Johann Hastfer herr auf Kandel
- (50) Adelheit von Överlacken aus Pallifer
- (51) Tönnis von Maydell Ammiral und LandRath in Esthland, herr auf Tockenbeck, Wredenhagen und Suttlem
- (52) Catharina von Schneidecken
- (53) Moritz von Wrangel LandRath in Esthland herr auf Kojel und Jess
- (54) Angnetha von Anrep aus Hähl
- (55) Hermann von Fersen Rittermeister von die Ritter Pferde herr auf Rayküll
- (56) Anna von Tiesenhausen aus Berson
- (57) Wilhelm von Üxküll von Kosck. Ritter und LandRaht in Ehstland
- (58) Gerderutha von Tittfer aus Wenden
- (59) Hans von Anrep LandRath in Esthland herr auf Hahl
- (60) Margaretha von Rosen aus Allo
- (61) Herman von Wrangel herr auf Elliestfer Feld Obrister und LandRath in Esthland
- (62) Adelheit von Üxküll aus Rosenbergh

^{ix}Даты жизни: прибл. 1526–1586.

► 6-е поколение

- (63) Jacob von Löwenwolde^x
- (64) Maria von Dönhoff
- (65) Rudolf von Mecks
- (66) Anna von Asserien
- (67) Engelbrecht von Tiesenhausen
- (68) Gerderutha von Errmes
- (69) Detloff von Gilsen
- (70) Dorothea von Stackelberg
- (71) ⟨B [12]: *Bertholomeus von Patkull*⟩
- (72) ⟨B [12]: *Catharina von Salis*⟩
- (73) ⟨B [12]: *von Gilsen*⟩
- (74)
- (75) ⟨B [12]: *Twieweln*⟩
- (76)
- (77) ⟨B [12]: *Owerlach*⟩
- (78)
- (79) ⟨B [12]: *Jacob ab Urquart Toparcha in Kenbackie, Senator Parlamenti pro Nobilibus Moraviae*⟩
- (80) ⟨B [12]: *Margaretha Stuart, Mater 14 filiorum et 9 filiarum*⟩
- (81) ⟨B [12]: *Hector Monroe Toparcha in Kilternie, Senator Parlamenti pro Nobilus Rossiae*⟩
- (82) ⟨B [12]: *Grisila Gordon, ex Gordonstoun primogenita*⟩
- (83) ⟨B [12]: *Alexander Abernethy haires de Helmdel et Seaton, Praefectus Buchaniae*⟩
- (84) ⟨B [12]: *Elisabeth Graham naeta ex Morhio 3-is genita*⟩
- (85) ⟨B [12]: *Alexander Sutherland Toparcha in Carnseye, Ductor legionis militum*⟩
- (86) ⟨B [12]: *Lelias Cambell nata de caddel, 2-do genita*⟩
- (87) ⟨B [12]: *Wilh. Kenmur Gordon Toparcha in Peningham, provinciae Gallovidia praefectus*⟩
- (88) ⟨B [12]: *Maria ab Urquart Malcolmi 1-o genita*⟩
- (89) ⟨B [12]: *David Ogilvie 2-do genity Toparcha de Pourie Senator Parlamenti Eques auratus*⟩
- (90) ⟨B [12]: *Helena Grahame Andrea 1-o genita*⟩
- (91) ⟨B [12]: *Malcolmus Kieth Toparcha in de Pauburn Senator Parlamenti*⟩
- (92) ⟨B [12]: *Cathar. Maul nata de Panmure 3-io genita*⟩
- (93) ⟨B [12]: *Jac. Grahame Toparcha de Ballgoven, provincia Angrusiae praefectus*⟩
- (94) ⟨B [12]: *Anna Ogilvie nata de Innerwartii 3-ia genita*⟩
- (95) ⟨B [12]: *Friedrich v. Löwen*⟩
- (96) Sophia von Landscron
- (97) Gerhard von Lennepen
- (98) Margaretha Taub von Kublen
- (99) Jürgen Hastfer Herr auf Kandell
- (100) Anna von Kalwen aus dem Hauße Pöddes
- (101) Berendt von Överlacken herr auf Pallifer
- (102) Anna Taub aus Nienhoff
- (103) Johann Maydell herr von Suttlem und Wredenhagen
- (104) Ephremia Nieroth aus Kappel
- (105) Hinrich von Scheidecken
- (106) Catharina von Hünnergeyer

^xДаты жизни: приibl. 1510–1559.

- (107) Moritz Wrangell LandRath in Esthland herr auf Jess und Kojel
- (108) Gerderutha Tödwen aus Kojel
- (109) Hermann Anrep LandRath in Esthland herr auf Hähel
- (110) Margaretha von Rosen aus Allo
- (111) Lorentz von Fersen herr auf Raykul
- (112) Anna von Fürstenberg aus Raykül
- (113) Fabian von Tiesenhausen herr auf Berson
- (114) Gerderutha von Tauben aus Marth
- (115) Johann von Üxküll herr auf Kosck Ritter
- (116) Barbara von Anrep aus Wittensee
- (117) Carsten von Tittfer herr auf Wenden
- (118) Anna von Fahrensbach aus Udenkull
- (119) Johann Anrep herr auf Wittensee LandRath in Esthland
- (120) Willmott von Schwartzhoffen
- (121) Reinhold von Rosen herr auf Allo LandRath in Esthland
- (122) Angnetha von Dönhoff aus Allo
- (123) Hans von Wrangel LandRath in Esthland herr auf Elstfer
- (124) Margaretha Üxküll aus Lackt
- (125) Johann von Üxküll LandRath in Esthland herr auf Riesenberg
- (126) Dorothea von Mexs aus Rabbifer und Poll

► 7-е поколение

- (127) Johann Woldemar von Löwenwolde^{xi}
- (128) Sophia von Fürstenberg
- (129) Gustav von Dönhöff
- (130) Elisabeth von Mengden
- (131) Hinrich von Mexs
- (132) Juliana von Büschöffden
- (133) Engelbrecht von Asserien
- (134) Berta von Saltza
- (135) Johann von Tiesenhausen
- (136) Helena von Plettenberg
- (137) Casper von Errmes
- (138) Gerdrutha von Schwartzen
- (139) Christoph von Gilsen
- (140) Catharina von Budberg
- (141) Berendt von Stackelberg
- (142) Anna von Rehbinder
- (143) □ ⟨B [12]: *Patkull*⟩
- (144) □ ⟨B [12]: *Salis*⟩
- (145) □ ⟨B [12]: *Salis*⟩
- (146) □ ⟨B [12]: *Gottleben*⟩
- (147) □ ⟨B [12]: *Gillen*⟩
- (148) □
- (149) □
- (150) □
- (151) □ ⟨B [12]: *Twieweln*⟩
- (152) □
- (153) □
- (154) □

^{xi}Даты жизни: пригл. 1495–между 1504 и 1507.

- (155) □ ⟨B [12]: *Owerlach*⟩
(156) □
(157) □
(158) □
(159) □ ⟨B [12]: *Alexander ab Urquart, Fil 2-dis Joannis L. B et Lord de Cromatrie, acrepit Toparchiam de Kenbakie haereditario*⟩
(160) □ ⟨B [12]: *Magdalena Grant Filia Roberti . . . familia Grant*⟩
(161) □ ⟨B [12]: *Jo. Stuart regulus in Reston, nepos Joanis Comititis de Alhol et filius Alexandri in Reston*⟩
(162) □ ⟨B [12]: *Majorana Seaton Jacobi Toparchae in Petineden filia 2-da*⟩
(163) □ ⟨B [12]: *Robert Monro Toparchae de Alkenge Roberti Monro filius secundus*⟩
(164) □ ⟨B [12]: *Helena Dumbar Jacobi Toparchae de Drun filia primogenita*⟩
(165) □ ⟨B [12]: *Georg Gordon regulus de Gordonstoun*⟩
(166) □ ⟨B [12]: *Catharina Lindsey, Davidis L. Lord de Spenzia filia 2-da*⟩
(167) □ ⟨B [12]: *Hector Abernethy regulus de Salton, Senator Parlamenti, eques auratus*⟩
(168) □ ⟨B [12]: *Grisila Leslie Georgii Toparcha de Parekhill filia unica*⟩
(169) □ ⟨B [12]: *Jacob Graham, regulus de Morphie Davidis Comititis de Montrose nepos ex fratre*⟩
(170) □ ⟨B [12]: *Esther Rose filia 4-to genita Roberti Lord Baronet de Rosse*⟩
(171) □ ⟨B [12]: *Wilhelm Sutherland Lord Baronet de Duffus Par regni regi Jacobo IV a consiliis*⟩
(172) □ ⟨B [12]: *Elisab. Frazer filia primogenita Hugonis Lord Baronet de Lovat*⟩
(173) □ ⟨B [12]: *Archibald Cambell ex Argylensibus, regulus in Caddel, Senator Parlamenti*⟩
(174) □ ⟨B [12]: *Maria Forbesia filia 2-da Jacoba Forbes, Toparcha in Colloden*⟩
(175) □ ⟨B [12]: *Jo. Gordon ViceComes Lord de Kenmur Par regni, Jacobi IV Tribunis equitum*⟩
(176) □ ⟨B [12]: *Elisab. Maxwell fil. 2-da genita Jo. Maxwell Lord Baronet de Heries, cuius prosteri Comites de Nithsdale*⟩
(177) □ ⟨B [12]: *Malcolm Urquart Toparcha de Meldrum, Senator Parlamenti pro Nobility Murraviae*⟩
(178) □ ⟨B [12]: *Judith Banetyne Wilhelmi reguli de Courhouse filia 2-da genita*⟩
(179) □ ⟨B [12]: *David Ogilvie, Lord Baronet de Airlie Par regni euj. posteri Comites d'Airlie*⟩
(180) □ ⟨B [12]: *Dornabella Irwine, Roberti reguli de Drum filia unica*⟩
(181) □ ⟨B [12]: *Andr. Graham Toparcha in Fintrie, Praefect. militar sub Jacobo IV & V.*⟩
(182) □ ⟨B [12]: *Agnes Douglas Jacobi Toparchae de Stendrie filia 3-io genita*⟩
(183) □ ⟨B [12]: *Alang Kieth Toparcha in Panburn sub Jacob IV supremacy aula Judex*⟩
(184) □ ⟨B [12]: *Susana Hamilton Alexandri Toparcha in Bayres fil. oujus posserisunt Comites de Haddington*⟩
(185) □ ⟨B [12]: *David Maul Lord Baronet de Panmure Par regni cuj. posteri hodie Comites*⟩
(186) □ ⟨B [12]: *Felicitas Erskine Georgii Erskine Comititis de Marr filia 3-io genita*⟩
(187) □ ⟨B [12]: *Patricig Grahame Toparcha de Ballgown Senator Parlamenti, Eques*⟩
(188) □ ⟨B [12]: *Euphemia Bruce fil. Davidis reguli de Solacmanen. Provincia Sterlingae prefectus regius*⟩
(189) □ ⟨B [12]: *Jacob Ogilvie Toparcha de Innerwartii Proviciae Merniae prefectus regius*⟩
(190) □ ⟨B [12]: *Caecilia Crichton Ludovici reguli de Frentheit filia unica*⟩
(191) Gerhard von Löwen auß dem Hauße Mörsel in Holstein
(192) Anna von Ellern
(193) Johann Arendt von Landscronen

- (194) Maria von Diepenbrock
- (195) Johann von Lennepen
- (196) Anna von Walen
- (197) Jacob Taube Herr auf Kubbel
- (198) Catharina von Fürstenberg
- (199) Jürgen Hastfer Herr auf Kandell
- (200) Margareth von Zögen
- (201) Diedrich Kalwe Herr auf Pöddies
- (202) Elisabeth Fahrensbach aus Udenküll
- (203) Johann von Överlacken herr auf Udenküll
- (204) Anna Taub von Jesse
- (205) Johann Taub Herr auf Nienhoff
- (206) Anna Meck aus Rappifer
- (207) Hinrich Maydell Herr auf Wredenhagen und Suttlem
- (208) Gerdrutha Hastfer aus Sommerhaußen
- (209) Hinrich Nieroth herr auf Kappel
- (210) Elisabeth von Wrangel auß Jesse
- (211) Johann von Schnidecken
- (212) Maria Anna von Goldingen
- (213) Hermann von Hünnergeyer
- (214) Berta von Bönningen
- (215) Moritz Wrangell Land Rath in Esthland herr auf Jess und Kojell
- (216) Anna Hastfer aus Sommerhaüßer
- (217) Wilhelm von Tödwen herr auf Ringen und Kojell
- (218) Anna von Liewen aus dem hauße Parmel
- (219) Johann Anrep herr auf Wittensee. Ritter
- (220) Wilmoth von Schwartzhoffen
- (221) Reinhold von Rosen herr auf Allo
- (222) Magnetha Danhoff aus dem hauße Allo
- (223) Johim von Fersen aus dem hauße Buntt Slatt in Pommern
- (224) Margaretha von Wapersnau
- (225) Ludlof von Fürstenberg LandRath in Esthland herr auf Reyküll
- (226) Margaretha Wrangell
- (227) Fabian von Tiesenhausen herr auf Berson und Kaltznau
- (228) Magdalena Krusse aus Fähna
- (229) Claus Taube herr auf Marth
- (230) Anna von Riesebiether auß Addila
- (231) Wilhelm Üxküll herr auf Kosck
- (232) Margaretha von Twiewelln
- (233) Herrman Anrep herr auf Wittensee
- (234) Sophia Schwartzhoffen
- (235) Reinhold von Tidfer herr auf Wenden
- (236) Anna von Mexs aus Rabbifer
- (237) Johann von Fahrensbach herr auf Udenküll, Heymer und Waddemois
- (238) Catharina Üxküll aus dem hauße Fickel
- (239) Adolph von Anrep herr auf Wittensee Ritter
- (240) Anna von Fiffhusen
- (241) Friedrich von Schwartzhoffen
- (242) Barbara von Grothusen aus Runnendahl in Curlandt
- (243) Kersten von Rosen herr auf Hochrosen
- (244) Elisabeth von Ungernsternberg aus dem hauße Fistell

- (245) Johann Döenhoff herr auf Allo
- (246) Adelheit von Däcken aus Nienhoff
- (247) Woldemar Wrangell herr auf Ellistfer
- (248) Margaretha von Tauben
- (249) Woldemar Üxküll herr auf Lacket Ritter
- (250) Angnetha von Fahrensbach
- (251) Conrad Üxküll herr auf Riesenberg Ritter
- (252) Anna von Wedebroek genant Boderick
- (253) Johann Mexs her auf Rabbifer und Poll
- (254) Anna Rehbock < B [12]: *Rechbocken* >

К родословной росписи [23] даны следующие комментарии на немецком языке⁶¹:

Demnach vorzeigen dieses Stambaums, Ihro Rußisch=Kayserslich=May[es]t[ä]t Hochgebohrner Cammer Herr, H[err] Gustav Reinhold Graff von Löwenwolde, auß dem Hauße Malla, bey diesem Ihro Rußisch Kayserl[ich] May[es]t[ä]t Oberland Gericht des Hertzogthum Ehstlandes, gebührend zu erkennen gegeben, wasmaßen Er einer Berichtlichen Attestation dieser seiner alhie angeführten und benanten, so woll Vätter= als Mütterlicher=linia, Uhralten Adelichen Ahnen benöthiget wäre; Und dann deßelben Gesuche man um so viel weniger entseyn können; als nicht nur von dem Uhralten Adelichen Geschlechte derer von Löwenwolde, sondern auch derer von Löwen hieselbsten man keine andere Nachricht weiß, denn daß Sie schon zu Hoch= und Herrmeister Regierungs=Zeit albereits in dem Hertzogthum Ehst= und Lieffland derer alhie gewöhnlichen Ehren=Amptern und was sönsten dem Ritter= und Adel Stand mit mehren Anhängig, ohne widersprache, theilhaftig und fähig gewesen; Als bezeugen und bekräftigen Wie solches alles hiemit und inkrafft dieses unsers offenen Brieffes, thun auch allen und jeglichen nach Standes gebühr respective, insonderheit denen Hochwürdigsten Duhm=Stiftern, Ritter Orden, und weme es sonsten auf erforderden falle zu wißen von nöhten seyn möchte, Kund: daß obbemalter Cammer Herr, Herr Gustav Reinhold von Löwenwolde aus vorstehenden befindlichen und Uns aufgewiesenen dazu erforderlichen Uhralten Adelichen Ahnen herstamme, und Er aus beiderseits Eltern, als Herr Gerhard Johann Freyherrn von Löwenwolde, und Frauen Magdalena Eliesabeth, Gebohrne Freyherrin von Löwen auß dem Hauße Lohde, rechtmäßigem Ehebette Ehrlich erzeuget und Gebohren, mithin Solchemallen nach von Uns und Einer Gesambten respective Ritterschafft des Hertzogthum Ehstlandes für einen geliebten Mitbruder, so wie Ers je und alle wege gewesen und wurcklich ist, willigst erkennet und gehalten wird. Zu mehrem Uhrkund haben Wir jetziger zeit des Hertzogthum Ehstlandes vice Gouverneur, anwesende Land Rächte und Ritterschafft=Hauptmann dieses Testimonium mit unser und unsers Secretary Eigenhändigen Nahmens Unterschrift, und beygedruckten angebohrnen Pettschafften bekräftiget. So geschehen in Ihro Kayserl[ich] May[es]t[ä]t Oberland= Gericht auf dem Ritterhauße zu Reval den 19. Augusti im Jahre nach der Gebuhrt Christi unsers Heylandes Eintausend Siebenhundert und Sechs und Zwantzig.

Все сведения в [23] заверены — с приложением печатей — следующими 12 лицами:

- F: v: Löwen Freyherr und v[ice] Gouverneur
- Georg Gustav Wrangell Freyherr und Landtraht
- B: F. Schulman Landtraht
- B W Taube freyherr und landtraht

- J V Rosen landrath
- G H Budberg Freiherr und landrahth
- Carl Wrangel lantraht
- J. J. Berg Landraht
- Gotthard Johann Zög Landrath
- G: W: V Fersen Landtraht
- Jacob Henrick Ulrick Ritterschaft haubtman[n]
- Justus Johannes Rosenkampff Imper: Majest: Jud: Supr: per Esth: Secretarius mmprr

Итак, «Изабелла Кенмур-Гордон» (“Isabella de Kenmur, Gordon filia unica”), фигурирующая здесь под номером (4), появляется как прабабушка Г.Р. Левенвольде (3-е поколение), а «Изабелла Кит» (“Isabella Kieth ex linea Pavburniana primogenita”), номер (22), появляется как пра-прабабушка Г.Р. Левенвольде (4-е поколение). Прочее суть прикрытие этого «родства».

Интересно, что еще одно баснословное родство — «Маргарета Абернети» (“Margaretha de Abernethie primogenita”), номер (20), также показанная как пра-прабабушка Г.Р. Левенвольде (4-е поколение), прикрывается поддельным (заключение о поддельности этого документа как противоречащего имеющимся сведениям принадлежит Джиму Гордону) свидетельством короля Карла II о происхождении Джона Архарта, ныне хранящегося в Британской библиотеке. Вот это свидетельство:

A testimonial of nobility, f. 49, British Library Add MS 15856: Copies of official documents during the reigns of Charles 1st and 2nd 1634–1658.

Carolus Dei gratia Magnae Britanniae Franciae & Hiberniae Rex, Fidei defensor, &c Serenissimis, Potentissimis, Illustrissimis, Celsissimis Imperatoribus, Regibus, Principibus, Ducibus, Ordinibus, Marchionibus, Comitibus, Baronibus, Dynastis, eorumque vices gerentibus, castrorum, classium, provinciarum, urbium, arcium, oppidorum, navium, fluviorum, portuum, vectigalium viarum pontiumque Praefectis, caeterisque omnibus quovis imperii sive ecclesiastici militaris aut civilis et magistratus munere fungentibus, ad quorum manus hae literae pervenient, Salutem. Cum nobilis et strenui viri, subditi nostri atque nobis apprime [i.e. optime?] dilecti, Joannis Urquharti, tribuni militum sub imperio suedico, in regionibus in quibus virtutis exercendae causa nunc commoratur natalis ignoti sint, neque literas de nobilitate ipsius nativa testimonium perhibentes, quales in talibus occasionibus a Cancellariatu nostro in Regno Scotiae expediri solent, propter rebellium Anglorum tyrannidem et intestinas discordias quae in illo nostro Regno jamdiu grassantur impetrare possit; ne illarum privatio dicto Joanni Urquharto fraudi sit, Nos ab eo requisiti, post debitam inquisitionem et totius rei examinationem, universis et singulis quorum interest testamur dictum Joannem Urquhartum esse natione Scotum, filium Alexandra Urquharti de Kinbechia ex nobilissima et antiquissima Urquhartorum vicecomitum haereditariorum Cromartiae in provincia Rossia suae gentis principum familia orti et Margaraetae Abernethiae ex nobilissima et antiquissima Abernethiorum Baronum de Salton in provincia Lothiana gentis quoque suae principum familia ortae, legitime natum eumque ut talem omnibus ad quos se contulerit commendamus, rogantes ut eidem aestimationem suis maiorumque meritis eonformem tribuere dignentur.

Datum Coloniae sub manu sigilloque nostris 22 die Febru: Anno Salutis MDCLV Regnorumque nostrorum septimo.

Напомним, что «Anno Salutis MDCLV» — это 1655 год от Рождества Христова.

Можно задать себе вопрос: почему эта бумага оказалась «не в комплекте», то есть в Британской библиотеке, а не в книге И.К. Бротце «Сборник различных лифляндских памятных документов»? Решение этого вопроса требует отдельного исследования. Например, можно попытаться выяснить, каким именно путем она попала в Британскую библиотеку. Но мы беремся предположить, что передать пакет подложных документов К.Г. Левенвольде планировалось порциями. И если первая порция успеха не принесла, но надобности во второй порции уже не было.

Возвращаясь к [12] и [23], заметим далее, что в [23] планировалось, но не дано изображения гербов всех именованных там персон: для них оставлено место, но самих рисунков гербов нет. Напротив, в [12] даны квалифицированные изображения гербов *всех* шотландских и немецких семейств. Несомненно, что это делал человек, очень хорошо разбиравшийся в геральдике. Гербы потомков лифляндских и эстляндских рыцарей были хорошо известны И.К. Бротце. Они собраны в известную книгу Клингспора [17]. Но *шотландская* геральдика была ему — как человеку, проведшему всю жизнь в Германии и в Лифляндии — вряд ли известна.

К родословному древу Карла Густава Левенвольде приложен сертификат, выполненный на латыни⁶². В переводе на английский язык он репродуцирован в статье [21].

Приложение В. Прочие несоответствия, обнаруженные Д. Гордоном при анализе родословия К.Г. Левенвольде

До сих пор мы видели, что в родословии К.Г. Левенвольде было неверно указано имя жены Джона Архарта. Что еще там неверно с позиций современного генеалога, специализирующегося на Доме Гордонов?

PARENTS (OF ISABELLA)

- John (Johann ab) Urquhart — There is no record of this gentleman in any English-language material that I have been able to find. This is not a problem because he was evidently born in Sweden. His description says he was a military officer in the service of Charles X. According to Ms (probably now Dr) Ailes “*Military Migration and State Formation*”, the first generation of Scots serving in Sweden married widows, sisters and daughters of their Scottish colleagues. Their sons, however, were more integrated and assimilated into Swedish society, some marrying Swedish women and giving their children Swedish names.

- Isabella, only daughter — She is supposed to be the only daughter of Thomas Gordon of Penninghame/Pennygame Gordons. This is where the difficulties arise. According to Ms. Ailes book, John Urquhart married Isabella Kinnenmond, who “. . . was born and raised in Scotland.” Then “In the 1620s, three of her brothers entered Swedish service, where they joined their uncle Col. Johan Kinnenmond.” She goes on to say that sometime after her brothers went to Sweden, she married “. . . , a Scottish nobleman, John Urqvard [Urquhart] who was also serving in the Swedish military.” The part of Isabella marrying fits with Brotze’s chart. The disagreement is with her surname. The Swedish records, which you quote elsewhere, say it is Kinnenmond, which is a Scottish family from northeast Scotland, while Brotze’s chart says she is a Gordon from the Penninghame Gordon family.

GRANDPARENTS

- Thomas Gordon of Penninghame — There is no record of this gentleman in any English language documents that I have been able to find. In fact, the only Thomas Gordon that I can find in “*Gordons Under Arms*” who served on the Continent is Russian Admiral Thomas Gordon, Commander of Kronstadt, among other things. Once again, as with John Urquhart, this might not be a problem because he could very well have been in Sweden of Scottish parents; however, Kinnenmond says he was born in Scotland. Brotze’s chart says

he was a cavalry officer in the Swedish service. This fits with Kinnenmond which says that Thomas was Colonel of a squadron (cavalry battalion) of Finnish soldiers. According to “*The Scottish Peerage*” and Burke’s “*Landed Gentry/Commoners*”, there was no Thomas Gordon in the Penninghame Gordons. Further, according to a Swedish document, the Noble Family Kinnenmond (attached), Thomas Kinnenmond was the son of William Kinnenmond who ranked 505 in the Swedish nobility. It also states that No 505 was established in the 1650s and became extinct in 1677. It further notes that the family is descended from Matthew, Bishop of Aberdeen. Supporting this is a piece from Scottish Cathedrals and Abbeys which says that Matthew de Kinninmond was the third Bishop of Aberdeen.

The Swedish document goes on to say that William had two sons Patrick and Thomas. It also says that Thomas was married twice. His first wife was Christina, daughter of fellow Scot Col James Scott. His second wife was Col Scott’s sister Margaret Gibson, evidently the widow of another Scot. This does not agree with Brotze, who says he was married to Isabel Keith of the Keiths of Powburn, specifically the first-born and heir to her father. I can find no English language documents that support a Keith of Powburn, especially a female heir, marrying a Gordon. This also an inconsistency as the Keiths of Powburn were the hereditary Earl Marichals of Scotland, but lost their title and lands for supporting the Jacobite cause.

GREAT-GRANDPARENTS

- George Gordon of Penninghame — There was a George Gordon in the Lochinvar-Kenmure line; but he is the great great uncle of Wiliam, the 1st of Penninghame and not in Penninghame line at all. He married Janet Maclellan.

George Gordon, who was a member of the Privy Council of James IV, also was not of the Penninghame line. He was the 2d Earl of Huntley. The 2d Earl of Huntley was married first to Princess Annabella, widow of the Earl of Angus and daughter of James I. His second marriage was to Elizabeth Hay, widow of Patrick Hay of Gray. The preceding was taken from “*The Scottish Nation; the surnames, families, literature, honours and...*” by William Anderson p. 518.

GREAT-GREAT GRANDPARENTS

- William Gordon of Penninghame — This person is the 1st Laird of Penninghame. He died in 1581 and it would a far stretch for him to be a great-great-grandparent of Isabella, who married John Urquhart “... (s)ometime after her brothers left Scotland [in the 1620s]” (Ailes, p. 61). I would take this “sometime” to mean in the late 1630s or early 1640s. A generation is normally figured at 25 years; so the 50 years between William of Penninghame’s death and Iabella’s presumed marriage would not a long enough for him to be her great-great grandfather, which is four generations. William married Helen Stewart of Garilies. The next Wiliam of Penninghame is this William’s great-great grandson, the 6th Viscount Kenmure who was executed in 1716 for supporting the 1715 Jacobite cause. This George lived almost a centruy after Isabella and could hardly have been an ancestor of Isabella.

- Grisilla Gordon of Gordonstoun and presumably heiress (primogenita — literally “first born”). There is no heiress Grizilla among the Baronets of Gordonstoun. Even if she were the first born and not the heiress, she certainly would have been mentioned in the Baronets of Gordonstoun pedigree, Burke’s Peerage (1908), under Gordons of Letterfourie.

GREAT-GREAT-GREAT GRANDPARENTS

- George Gordon of Gordonstoun — None of the Baronets of Gordonstoun was named George and none of their known sons was named George. This does not exclude an unaccounted son. There was a George Gordon who was the uncle of the 1st Baronet of Gordonstoun and was born in 1616, too late to be a great grandparent of our Isabella.

- John Gordon, Viscount Kenmure — The 1st Viscount Kenmure was born c. 1599 and would have been of the same generation as Isabella, hardly her great-great-great grandfather.

He was also the brother of William Gordon, 1st of Penninghame, a purported great-great grandfather of Isabella. Brotze's chart mentions that John lived during the reign of James IV (1488–1513) This is impossible as the Viscounty of Kenmure wasn't created until 1633. It appears that he is confusing John Gordon, 2d Laird of Lochinvar and Kenmure who lived during James IV reign with John Gordon, 6th Viscount Kenmure who was executed in 1716.

It also states that a great grandfather, George Gordon of Penninghame served on the Privy Council of James IV. There was a George Gordon who lived during the reign of James IV. He was the brother of John Gordon the 2nd Laird of Lochinvar and Kenmure, who died in 1517. George's wife was Janet Maclellan or Donaldson.

THE ABOVE GLARING DISCREPANCIES LEAD ME TO DOUBT THE ACCURACY AND POSSIBLE THE AUTHENTICITY OF BROTZE'S CHART.

I have thoroughly researched Isabella's family tree as presented by the Swedes and while I can find the families listed thereon, I can not find any of the persons, even accounting for Swedish rendering of names. This is what I have found:

1. David Maul(e) Baronet of Panmure Earl of Penmure — The closest person I could find was David Maule 1551–79. There were no Baronets of Panmure, only Earls of Panmure and the first Earl was David's nephew. There is no record of his marrying; nor a record of a daughter Catherine.

2. George Erskine Earl of Marr — George Erskine was the brother of the 1st Earl of Mar and was styled George Erskine of Innertail. George Erskine married; but there's no mention of his wife. He had apparently one daughter, who was his co-heir, implying no other children.

3. Alang/Malcolm/James Kieth of Powburn — There's no record of a Malcolm Keith of Powburn. James Keith was a real person, but there is no record of a marriage, nor a daughter. James' father was Patrick.

4. Thomas Gordon of Penninghame — There is no record of a Thomas Gordon among the Gordons of Penninghame. When Alexander Gordon 5th Laird of Penninghame became the 5th Viscount Kenmure he disposed of the Penninghame property and thus was the last of the Gordons of Penninghame.

5. Patrick and James Graham of Balgowan (Ballgowan) — I could not find any Grahams of Balgowan who were named Patrick or James.

6. James and Ann of Innerwart in Merria — I couldn't find anything on either Innerwart or Merria, although a search of Google Maps suggested a couple of close names in SW England near Reading.

7. Louis and Cecilia Crichton of Frentheit — I could not locate the placename so I assume it was just the name of the estate and could find nothing on the Crichton family.

Приложение С. «Отдельное разсуждение о характерах различных особ при дворе Российском» Дюка Лирийского

«В сем небольшом сочинении целью моею будет пояснить характеры важнейших особ, которых знал я при Российском Дворе, что постараюсь я исполнить с величайшим безпристрастием, не лъстя ни царям, ни царицам, ни принцессам. Представлю также характеры иностранных министров, бывших в России в мое время, и могу уверить, что не увлекаюсь, описывая их какою либо страстью, и что я сам лично знал всех, о ком буду упоминать. Начну с Царя Петра II-го.

ЦАРЬ ПЕТР II-й. Он был высок, строен и красив; выражение лица было у него задумчивое, сложение тела крепкое, чело возвышенное и сила необыкновенная. Хотя нелегко изречь справедливое суждение о четырнадцатилетнем юноше, но можно было предполагать, что он будет решителен, самостоятелен, и может быть, даже суров. Вина он не терпел, то есть, пил его сколько следовало, но заметно уже было, что он не будет ненавистником прекрасного пола, нравиться которому имел он способность. Он был очень щедр, и щедрость его приближалась даже к излишеству. Хотя ласковый с теми,

кого видал часто, он был однакож от природы важен и угрюм с другими. Понятия у него были живыя, и при большой осторожности, он был однакож решителен, любил свой народ и мало уважал другия нации. Словом, он мог со временем быть великим монархом, но можно полагать, что ему могло повредить воспитание Долгоруких, главная система коих была держать юнаго Царя в отдалении и пренебрегать его образованием.

ЦАРИЦА АННА ИОАННОВНА. Она была вдовствующею Герцогинею Курляндскою, когда возвели ее на трон; дочь Царя Иоанна, старшаго брата Петра Великаго. Дородна собою, смугла и с мужественным выражением лица, любезна, обязательна и необыкновенно внимательна. Щедрость ея доходила до излишества. Чрезвычайно любила великолепие, и поставила Двор свой на такую ногу, что он, конечно, превосходил все другие Дворы блеском. Она хотела, чтобы все ей повиновалось, и чтобы в точности доносили ей обо всем, что происходит в ея империи. Никогда не забывала она услуг, какия оказывали ей ея подданные, но не забывала и оскорблений, и можно уверительно сказать, что она даже слишком была подвержена слабости помнить неудовольствия, однажды против кого либо возбужденныя в душе ея. Говорили, будто сердце ея склонно было к нежности, и я также думаю, но поступки ея были притом весьма осторожны. Наконец, могу сказать, что она была Царица вполне достойная долголетняго царствования.

в.к. НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА. Она была сестра Царя Петра II-го, принцесса, украшенная столькими добрыми свойствами, что даже трудно себе вообразить. Красотою она не блистала, и напротив, была довольно некрасива, хотя и стройна, но ея добродетели вознаграждали недостаток красоты. Она была любезна, великодушна, внимательна, исполнена приятностей, нрава была кроткаго, и привлекала сердца всех, кто только знал ее. По Французски и по Немецки говорила превосходно. Любила чтение и была покровительницею иностранцев. Все такия свойства производили то, что все желали ей продолжения многих лет, но Богу такое желание не было угодно, и она была похищена смертью, после продолжительной болезни, 3-го Октября 1728 года, 14 лет от роду. Русские и иноземцы, великие и бедные были равно опечалены.

в.к. ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА. Она была дочь Петра Великаго и Царицы Екатерины, и одна из прекраснѣйших особ, каких только видал я в жизнь мою. Цвет лица ея был удивительный и глаза превосходные, рот прелестный, грудь истинной красавицы, а талия несравненная. Она была высокаго роста и необыкновенно жива; обладала умом и прелестью, танцевала весьма хорошо, и безстрашно езжала верхом. Она была честолюбива, скрытна и сердце ея было нежно. Царь Петр II-й несколько времени был влюблен в нее, и даже думали, что он сочетается с нею браком.

ГЕРЦОГИНЯ МЕКЛЕНБУРГСКАЯ ЕКАТЕРИНА. Она была сестра Царицы Анны Иоанновны. Чрезвычайно жива, неосторожна, не затруднялась ни чем на свете, и говорила все, что приходило ей на мысль. Она была необыкновенно дородна....

в.к. ПРАСКОВЬЯ ИВАНОВНА. Также сестра Царицы Анны. Не отличалась обширным умом, была очень некрасива, худощава и слабаго здоровья....

Здесь необходимо перейти к характерам главнейших вельмож, начиная с любимца Царя Петра II-го.

князь ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ДОЛГОРУКИЙ. У него было только одно хорошее качество—доброе сердце. Царь Петр II-й любил его страстно, и он мог делать из воли своего Государя все, что ему было угодно, любя его также нежно. Ум у него был весьма ограниченный, ни малейшей не было проницательности, много спеси и гордости мало решительности и никакого расположения к труду. Он любил женщин и вино, но не был двоедушен. Ему хотелось править царством, хотя он не знал даже, как начать такое великое дело. Он способен был к величайшей ненависти, не получив никакого воспитания и образования, так, что мог во всяком другом месте назваться решительным невеждою.

ВЕЛ. КАНЦЛЕР ГРАФ ГОЛОВКИН. Он был старец почтенный во всех отношениях, ученый, скромный, осторожный, разсудительный, с большими способностями. Любил свое отечество, и хотя имел склонность к старинным нравам, но не порицал и новых, если видел в них что либо хорошее. Привязанный к своим Государям, он был не подкупим, и потому удержался во все времена, даже самыя трудныя, ибо его не в чем было укорить.

ГРАФ АПРАКСИН. Он был Великий Адмирал и ревностно служил Петру Великому. Царица, супруга Феодора, старшаго брата Петра Великаго, была ему родная сестра. У него было довольно способностей, храбрости и решительности, и в тоже время достаточно проницания, но никогда не выезжавши из своей земли, он ненавидел новости, которыя вводил Петр Великий, и был готов всем пожертвовать, чтобы только привести все в России в прежний порядок. Смертельный враг был он всем иностранцам, притом корыстолюбив, и так сильно брал взятки, что при Петре Великом едва не лишился головы, но успел однакож кое-как вывернуться из хлопот. Он решительно не знал дел Европейских, и хотя считался адмиралом, но не ведал даже первых начал навигации.

БАРОН ОСТЕРМАН. Вице-Канцлер, Немец по рождению; отец его был Лютеранским пастором в какой-то Вестфальской деревне. Очень молодой приехал он в Россию, и превосходно выучившись Русскому языку, получил место в какой-то канцелярии. Дарования и знание многих языков сделали его известным Петру Великому, у котораго служил он переводчиком. Он предался потом в покровительство Князя Меншикова, который вел его столь быстро в чины, что Остерман вскоре заступил место Вице-Канцлера Шафирова, своего прежняго благодетеля. Когда скончалась Царица Екатерина, Меншиков назначил его Гофмейстером к Царю Петру II-му, и Остерман тотчас начал работать, подрывая своего покровителя, в чем и не замедлил успеть. У него были все необходимыя для хорошаго министра дарования, и он был притом неутомим. Действительно желал он добра России, но был лжив в возможной степени, бывши притом мало религиозен, или, лучше сказать, не имея вовсе ни какой религии. Он был еще чрезвычайно скуп, но ничего и ни от кого не брал. Совершенно обладая искусством притворяться, он давал такую наружность правды тому, что было ей совершенно противоположно, что мог обмануть самаго хитраго человека. Словом, великий министр был он, но если бы притом был он и ангелом, сошедшим с небес, то достаточно было одного того, что он иностранец, для смертельной ненависти к нему Руских, которые много раз испытывали все, что могли для его низвержения. Ловкостью своею Остерман спасался каждый раз от умысла врагов своих.

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ ГОЛИЦЫН. Член Тайнаго Соввта. Он был один из тех стариков, которые, вместо всякой системы, твердили одно: Для чего нам все новые обычаи? Разве не можем мы жить, как живали наши отцы, так, чтобы иностранцы не предписывали нам новых законов? У него было достаточно ума, но было много и злости, тщеславие невыносимое и гордость безпримерная.

КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ДОЛГОРУКИЙ, Также член Совета, человек с умом и добрый по виду. Он был Послом в Швеции, Дании, Польше и Франции, и везде приобретал известность министра ловкаго и способнаго. Весьма хорошо говорил он на многих языках, и был такой человек, с которым жить было можно, но в тоже время был он весьма подвержен подкупу, не имея ни веры, ни закона, и способен всем пожертвовать для низкаго интереса. Он заплатил дорого за свои интриги, ибо Царица Анна сослала его наконец на отдаленный остров Белаго моря.

КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ ДОЛГОРУКИЙ. Второй воспитатель юнаго Царя Петра, член Совета и отец молодаго Долгорукаго, любимца. Немного было у него ума и не было никакого знания обычаев света. Как многие другие, был он лжив, ненавистник иностранцев, раб при Дворе, защитник старых обычаев, исполнен тщеславия, что побудило его стараться о возведении дочери на трон, назначив ее супругою Царскою. Преждевременная

кончина Царя разрушила замыслы, и Царица Анна сослала честолюбца, со всем его семейством, в Сибирь.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ДОЛГОРУКИЙ. Человек умный, храбрый, праводушный, но малоопытный в военном деле. Притворяться он не умел, и недостаток его был тот, что он слишком был откровенен и искренен. Был он отважен, но весьма тщеславен, добрый друг, но и враг непримиримый. Иностранцев врагом он не был, не слишком однакож и любил их. Жил открыто, и вообще сказать можно, что он принадлежал к числу вельмож, делавших честь своей отчизне.

князь Михаил Долгорукий. Он был брат Фельдмаршала, человек самый тщеславный, какого только знавал я в жизнь мою. Все считал он безделкой, и в то же время был способен делать величайшие низости для достижения своей цели. Умом был он очень недалек, лгал немилосердо, был лжив и плутоват, никого не любил, скупец был в последней степени, и словом — никакого достоинства в нем не было.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ГОЛИЦЫН. Герой, человек с умом и с честью. Он хорошо знал военное искусство, был храбр и очень любим войсками. Он был смел и отважен, не терпел иностранцев, но в то же время воздавал справедливость имевшим достоинства; был щедр и очень любезен; боялся знатных и особенно Петра Великаго. Еслибы Россия была более просвещена, он мог бы быть истинно великим человеком.

ФЕЛЬДМАРШАЛ САПЕГА. Поляк, и только одно было у него доброе качество, что был он очень храбр. Три раза бунтовал он против своего Короля, и потому принужден был удалиться в Россию, где по влиянию при Дворе сына его, любимца Императрицы Екатерины I-й, пожаловали его в фельдмаршалы. Он не знал даже самых первых оснований военного искусства, не имел капли ума, был сварлив, повелителен, напивался ежедневно, был лжец, и способен все предпринять для достижения своей цели.

ФЕЛЬДМАРШАЛ ТРУБЕЦКОЙ. Невежда, каких можно встретить немного. Его мало уважали, но считали добряком; незнающий в своем деле, он был притом заика и исполнен тщеславия.

князь Черкасский. Любезный человек и с умом; знал больше, нежели знали обыкновенно его земляки; не был врагом иностранцев, был весьма безкорыстен, весьма благороден; но только робок и нерешителен.

граф Бирон. Любимец и Обер-Каммергер Царицы Анны, Курляндец, долго и верно служивший ей в Курляндии. Он был очень вежлив, внимателен, хорошо воспитан, ревностен к славе своей Государыни и готов сделать каждому удовольствие. Ума у него было немного, и потому он должен был позволять другим управлять собою, так, что если другие, кому он верил, давали ему советы, он не мог различать хороших советов от дурных. Не смотря на то, он был любезен, разговор его был приятен, лицо было у него доброе, но и честолюбие большое, с порядочною долею тщеславия.

ФЕЛЬДМАРШАЛ БРЮС. Родился в Москве, но родители его были Шотландцы. Служил с большим отличием и был весьма уважаем Петром Великим. Очень вежливый, он хорошо знал свое дело, имел много дарований, превосходно понимал Россию, и вел себя так, что ни в чем нельзя было его упрекнуть, по чему все его почитали и уважали.

граф Левенвольд, старший. Полковник третьяго гвардейскаго полка и генерал-лейтенант, хоть и не Русский, но Лифляндец и Русский подданный. Имел дарования и был ловкий, смелый, отважный и лживый человек. Любил славу своей Царицы и имел у нея большую доверенность. Но его ненавидели Русские, потому, что система его состояла в том, чтобы употреблять в делах только иностранцев. Был великий игрок, и притом очень скуп, способен на подкуп, но благоразумен в советах.

граф Левенвольд, младший. Гоф-Маршал Царицы Анны, человек самага дурнаго характера, какого только видал я в жизни моей. Счастлием своим обязан был он женщинам, но способен на всякое дело для достижения своей цели. Ничто его не оставляло, и он пожертвовал бы лучшим другом, и человеком, которому всем был

обязан, если бы только видел в том свою пользу. Честолюбие было у него чрезмерное и тщеславие большое. Религии у него не было никакой и едва ли даже верил он бытию Бога. Корысть всегда его руководствовала и он был лжив, хитр, ненавидим народом, но в то же время благороден в обхождении, снисходителен, внимателен, хорошо служил своей Царице и умел придавать блеск ея праздникам; умен и довольно красив собою.

ГЕНЕРАЛ ВЕЙСБАХ. Немец, и человек неимевший ни малейшаго разсудка. Он считал себя великим генералом, хотя не пользовался никакою известностью, а напротив, все дурно думали, не только об его храбрости, но и об его опытности. Скупец, тяжелый, но добряк.

ГЕНЕРАЛ БЕМ. Также Немец, генерал пехотный, служил много и довольно хорошо знал свое дело. Был вежлив, но чрезвычайно робок, и трепетал всего что могло не понравиться при Дворе. Благоразумен и осторожен, но холоден со всеми, и нагл, выше всякаго выражения, с подчиненными.

ГЕНЕРАЛ ЛАССИ. Ирландец, генерал пехотный, знал хорошо свое дело, был уважаем и любим народом, умен, с познаниями, честен, неспособен к дурному делу, и у всех пользовался известностью хорошаго, генерала.

ГРАФ МИНИХ. Немец, артиллерийский генерал, очень хорошо знал военное дело и был превосходный инженер, но обладаем высокомерием неограниченным, тщеславием безконечным и честолюбием безмерным, Притом лжив, с двойным сердцем, казался другом всех, но собственно не был другом ни кому; очень внимателен и учтив с теми, кто не был под его начальством, но несносен с низшими.

ГЕНЕРАЛ ГИНТЕР. Немец, артиллерийский генерал. Хорошо знал свое дело; был вежлив, друг надежный и верный своих друзей, но неприятель непримиримый и надменен; впрочем, с умом и был весьма уважаем в России.

ГЕНЕРАЛ МАТЮШКИН. Русский, пехотный генерал. Служил очень хорошо, понимал достаточно свое дело, был добродетельный и честнейший человек.

ГЕНЕРАЛ ЧЕРНЫШЕВ. Русский генерал пехотный, умен, храбр, хорошо вел себя по службе, но был очень скуп и лжив, и притом враг иностранцев.

ГРАФ ЯГУШИНСКИЙ. Кавалерийский генерал и Шталмейстер, Поляк и весьма не знатнаго рода. В молодости приехавши в Россию, принял он Греческую веру, и вошел в милость у Петра Великаго, который весьма любил его, до самой своей смерти. Военное дело знал он плохо, да и не имел на то претензий; человек был умный, с дарованиями, смелый и чрезвычайно решительный. Однажды сделавшись другом, был им без притворства, за то не скрывал и вражды своей. Говорили, будто он был лжив, но я не могу сказать, чтобы заметил в нем такой порок. Он был очень тверд в своих решениях и весьма привязан к своим Государям, но способен наделать тысячи шалостей, когда бывало подопьет. Удаляясь от сей дурной привычки, становился он совсем другим человеком. Словом, он был одним из самых способных людей в России.

КНЯЗЬ ЮСУПОВ. Пехотный генерал, Татарскаго происхождения; брат его при мне был еще Магометанином. Весьма вежлив, хорошо служил, хотя знал свое дело очень посредственно. Он был весь изранен; любил иностранцев; был предан своим государям, и словом, был он один из тех людей, которые прямо идут своею дорогою, но только слишком любил выпить.

ГЕНЕРАЛ УШАКОВ. Русский, пехотный генерал; хороший офицер, храбрый, честный, чрезвычайно преданный своим Монархам, человек с добрым сердцем и с хорошими намерениями.

ГРАФ САЛТЫКОВ. Пехотный генерал и Великий Церемониймейстер. Человек весьма ввжливый; хорошо служил, был очень храбр; ума был недалняго, но дело свое знал и всегда желал делать добро.

ГЕНЕРАЛ МАМОНОВ. Русский, пехотный генерал. Человек с умом, храбрый, решительный; хорошо служил и был хороший офицер, но притом очень коварен, хитр, и народ его не любил.

БАРОН ГАВИХТАЛЬ. Обер-Церемониймейстер, Швейцарец, человек с большим умом, множеством сведений и памятью изумительною. Был скромн, осторожен, весьма вежлив, друг своих друзей, скрытн с теми, чью дружбу мог подозревать, но вполне открыт для тех, кого знал точно за честных людей и кто сам доверялся ему. Он был очень привязан к службе своих повелителей, и всех заставлял уважать его. Не говорил худа ни о ком; был, что называется, добродетельн человек, и притом чрезвычайно безкорыстен.

Вот характеры почти всех главных лиц, которых знал я при Русском Дворе. Теперь хочу я изложить мое мнение обо всех министрах, бывших в одно время со мною.

ГРАФ ВРАТИСЛАВ. Посол Императорский, происхождением от одного из самых старинных родов Богемских. Долго был он Министром на Регенбургском Сейме, а потом Послом в Польше, откуда переведен в Россию, после смерти Графа Рабутина. Нельзя было выбрать министра менее способна находиться при Русском Дворе. Русские любят, чтобы иностранные министры были ласковы, щудры и великолепны, а Граф Вратислав не имел ни одного из сих качеств. Он, правда, говорил о себе, что живет великолепно, но показывал совсем противное во всех своих поступках, и везде заметна была у него величайшая скупость. Безпрестанно хвалил он доброту своего сердца, но я не знал никогда другаго человека лживее его. Безпрестанно говорил он, не давая никому сказать одного слова и не слушая, что ему говорят. Ни какого воспитания он не получил, и потому был весьма неучтив со всеми, даже и с дамами. Он был притом чрезвычайно пристрастен, надмен, гордости нестерпимой, и ума небольшого. Никогда в жизнь мою не знал я другаго человека, более способна на впечатления от других и кто только хотел, тот мог тотчас передать ему и доброе и худое направление. Короче, он был более способен забавлять детей баснями старых баб, нежели быть министром, ибо у него не было ни каких для того дарований, и мне кажется, что друзья Графа Рабутина нарочно послали Вратислава в Россию, чтобы увековечить в России память его предшественника, поведение и ловкость котораго были удивительны.

БАРОН МАРДЕФЕЛЬД. Старик, десять лет бывший полномочным Прусским Министром в России. Он был очень красив и большой волокита, рисовал превосходно и хорошо играл на лютне, был весьма умен, и мог почестся в свете за самаго любезнаго и благовоспитаннаго человека. Но все сии качества не могли перевесить безконечнаго множества недостатков, какие он имел при них. Душа его была такая продажная, что он готов был предпринять все, что угодно, только бы добыть деньги. Религии у него не было никакой, и не смотря на то, он был непримиримый враг Католицизма. В жизнь мою не видывал я человека, который столь легко льстил бы себя успехами во всем том, чего он желал, и такая ветренность заставляла его верить всякому вздору, и без размышления рассказывать новости, когорыя не имели никакого основания, кроме желания расказащика, чтобы оне были правда. Он был коварен и лжив, неспособен делать добро никому, но весьма способен наделать много зла, не только из дурнаго намерения, но даже и потому, что всякая партия водила его за нос во всем. Надменность оказывалась у него ужасная всегда, и ничего не находил он хорошаго, кроме того, что только делал он сам, или делали его сообщники. Одним словом, можно сказать, что он был любезный негодяй, более всего любивший забавляться и хорошо поест.

БАРОН МАРДЕФЕЛЬД, младший. Племянник и наследник предшествоваващаго. Был умен, весьма коварен, не знал что такое честь и одарен всеми способностями злаго человека. Поведение его было весьма дурное; он играл и проигрывал более, нежели мог заплатить, не имел никаких дарований министра, и обладал всеми пороками своего дяди, не имея притом его хороших качеств.

БАРОН ЦЕДЕРКРЕЙЦ. Чрезвычайный Посол Шведский, красавец собою. Он следовал за Карлом XII-м во всех его кампаниях, был человек честный, и друг своих друзей, но не умен, и легко допускал себя обманывать. Жена его, совершенно им управлявшая, была лгунья, тщеславная и скупая.

Г-Н ДИТМАР. Преемника предшествовавшего, человек умный и весьма любезный. Говорил мало; хорошо знал по Русски и был всеми любим.

Г-Н ВЕСТФАЛЕН. Чрезвычайный посол Датский. Был умен, опытен и с большими познаниями. Человек отлично честный, неспособный к худому делу и весьма усердный к службе своему Государю. Но его надменность и тщеславие были невыносимы. Всегда занятый величием своего Короля, он думал, что все другие Государя должны были уступать Королю его. Обо всем он задумывался, и выводил следствия из самых вздорных слухов, какие носились при Дворе, или в дипломатическом корпусе. Жил весьма уединенно и редко являлся на обед к другим, боясь, что и ему в свою очередь придется за то кормить других, а того-то он и трепетал.

Г-Н ЛЕФОРТ. Чрезвычайный Посланник Польский, родом Женевец, племянник славного Лефорта, бывшего любимцем Петра Великого. Очень любезный человек, неспособный сделать ничего, что могло повредить его характеру, весьма безкорыстный, готовый всем пожертвовать для своих друзей, и довольно хорошо знавший все, что делалось в России, за что и уважали его при Польском Дворе. Но если и не был он глуп, то и ума у него не было, и он так плохо судил о делах, как будто никогда их в руках у него не бывало. Дом у него был открыт всякому, но жил он очень посредственно.

БАРОН ШТАМБКЕН. Посланник Голштинский, человек основательный в суждениях. Писал удивительно хорошо, но говорил очень плохо; был скромн, учен, осторожен, хорошо служил своему Государю, жил прекрасно и — напивался притом ежедневно. Впрочем, был друг для друзей и неспособен к коварству.

ГРАФ БУДЕ. Преемник предшествовавшего, и вот было величайшее животное, какого только видал я в жизнь мою — невежда, тяжелый человек, несносный вопрошатель, и притом воображал себе, будто он умен. Он был коварен и скуп в возможной степени, и делал все роды низостей, только бы как нибудь заработать деньги. Словом, был он человек без малейшаго достоинства.

ГЕНЕРАЛ ТЕССИН. Также Министр Голштинский, но совсем различный от своего товарища. Он имел много ума и был отлично воспитан, любезен, весел, исполнен чести, откровенен, неспособен на подлости; словом, был человек совершенный во всем и хороший министр.

Г-Н ДЬЁ. Чрезвычайный Посланник Голландский. Не имел ни чьего внимания, лишен был ума и великих достоинств, невежда, худо воспитанный, человек тяжелый и настоящий Голландец.

БАРОН ДАССЕБУРГ. Посланник Вольфенбюттельский, молодой человек из знаменитого рода. Он был умен, благоразумен, осторожен, исполнен чести и добродетелей, и в то же время любезен и добрый друг.

БАРОН ЧАМ (СЗАМ). Посланник Бланденбургский. Походил он с виду на обезьяну, и был притом истинный педант. Всегда погруженный в политику, он ежедневно ездил по министрам, чтобы заставить публику думать, будто он занят важными делами. Ум у у его был, но человек он был притом лживый; хоть и разнеживался при всяком вздоре. Почитал себя величайшим министром в целой Европе, но много что годился бы он разве быть где-нибудь школьным учителем.

БАРОН ОСТЕРМАН. Посланник Мекленбургский, брат Вице-Канцлера, величайший в мире глупец, и притом хотел прослыть человеком с дарованиями. Всегда говорил он загадочно, жил уединенно и ни кем не был уважаем.

г-н ГОГЕНГОЛЬЦЕРН. Резидент Императорский, человек честный, с добрым сердцем, но притом невежда, глупец и пьяница. Не смотря на то, он хорошо знал Россию и давал об ней довольно верные отчеты.

г-н Вильде. Резидент Голландский. Он был Амстердамский торгаш, не имевший ни ума, ни достоинств, и больше отправлял ремесло купца, нежели министра. Притом был он скуп и служил предметом насмешек всего Двора, как равно и жена его, бывшая прежде у него кухаркою, до его супружества.

Оканчивая здесь изображение характеров и описание моего посольства в Россию, объявляю, что сие сочинение мое служит только для собственного моего увеселения и для поучения детям моим».

Примечания

¹Дата «Anno reparatae salutis millesimo septingentesimo trigesimo, XI calendas Junii» однозначно говорит, когда это родословие было составлено или когда хотели, чтобы думали, когда оно было составлено. Во всяком случае, именно в этом виде эту дату показывали тому, кому предназначался весь документ.

²В «Гамлете», в Акте III, Сцене 4, говорится: “. . . I will delve one yard below their mines and blow them at the moon. O, 'tis most sweet when in one line two crafts directly meet.” В переводе Б. Пастернака это звучит так:

«Ну что ж, еще посмотрим, чья возьмет,
Забавно будет, если сам подрывник
Взлетит на воздух. Я под их подкоп —
Чтоб с места не сойти мне! — вруюсь ниже
И их взорву. Ну и переполох,
Когда подвох наткнется на подвох!»

³Jean Le Rond d'Alembert (1717–1783). Этот человек рано познал превратности судьбы: его имя восходит к ступеням капеллы Saint-Jean-le-Rond, примыкающей к северной башне парижского собора Нотр-Дам (Notre-Dame de Paris), на которых он был оставлен сразу же после рождения.

⁴Так, признак сходимости Д'Аламбера знает каждый — даже начинающий — математик.

⁵Такое похвальное слово по-французски называется «l'éloge», и именно так называл его сам автор. В русском языке оно известно как панегирик. С 19 века под «панегириком» иногда понимают неоправданное восхваление. Д'Аламбер, как умеет, мотивирует свои хвалебные оценки, а поэтому мы не будем использовать это слово.

⁶Например, Кардинал Дюбуа, Аббат де Шуази. Если их вклад впечатлял современников, но ныне о них знают — особенно за пределами Франции — совсем немногие.

⁷Например, Иоганн Бернулли (1667–1748), великий ученый, о котором Вольтер сказал:

«Son esprit vit la vérité,
Et son cœur connut la justice;
Il a fait l'honneur de la Suisse,
Et celui de l'humanité»

(подстрочный перевод, не передающий и в малой степени прелести этого стиха, таков: «Его ум видел истину, Его сердце познало справедливость. Он — гордость Швейцарии И всего человечества»), да и сам Вольтер (1694–1778), умерший с Милордом Маршалом в один год и о смерти которого так горевал король Пруссии.

⁸В заглавии похвального слова о Джордже Ките его имя отсутствует. Д'Аламбер заменил его на «Милорд Маршал». Вряд ли это было бы им сделано, если бы его читателю стоило больших трудов узнать, кто же именно этот персонаж.

⁹Д'Аламбер говорит на-французский манер «Milord Maréchal» и мы будем этому следовать. Обратим внимание читателя на то, что Джордж Кит — это десятый Милорд Маршал (10th Earl Marischal). В Шотландии Earl Marischal (в отличие от Англии) не занимался напрямую вопросами герольдии, а был скорее охранником королевских регалий. Функция департамента герольдии принадлежит и по сей день офису Лорда Лайона (Lord Lyon King of Arms). Не вдаваясь более в детали относительно истории этого титула и обязанностей, с ним связанных, напомним лишь, что «ярл» («earl») в ряде северных стран значит примерно «граф». Так,

противником Александра Ярославича в Невской битве был ярл Биргер. Обращаем также внимание на существенное различие между титулом маршала Шотландии и — например — рангом фельдмаршала, который суть военный чин и который выслужил младший брат Джорджа Кита, Джеймс, на русской и прусской военной службе.

¹⁰ «L’auteur de cet Éloge en a déjà fait beaucoup d’autres, & ne craint que d’en avoir fait un trop grand nombre. Cependant il ose encore demander grace pour celui-ci, en faveur des sentiments qui l’ont dicté. C’est un tribut (à la vérité bien doux) qu’exige de lui l’amitié dont Milord Maréchal l’honorait, & la tendre vénération que lui avoit unspirée cet homme de mœurs antiques & pures, que les beaux siècles de la probité Romaine auroient envié au nôtre; véritable Philosophe, que pratiqua, sans l’afficher, cette sagesse que tant d’autres affichent sans la pratiquer; etc.»

¹¹ Далее идут хвалебные характеристики в превосходных степенях (например, «la simplicité la plus aimable à l’ame la plus élevée», то есть «самая любезная простота с душою самою возвышенною»), так характерные для произведений французов 18 века. Мы их опускаем, процитировав в свое оправдание А.С. Пушкина: «Д’Аламбер сказал однажды Лагарпу: “Не восхваляйте мне Бюффона. Этот человек пишет: Благороднейшее из всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч. Зачем просто не сказать лошадь”. Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но д’Аламбер очень умный человек, и я, признаюсь, почти согласен с его мнением» (Цит. по: А.С. Пушкин. ПСС в 10 т. Л.: 1978. Т. 7. С. 2.).

¹² «George Keith, *Maréchal héréditaire d’Ecosse*, plus connu sous le nom de *Milord Maréchal*, étoit de la naissance la plus distinguée; on le voit assez par le titre qu’il portoit, & que sa maison possédoit depuis plus de cinq cent ans. Mais loin de se prévaloir de son illustre origine, comme ceux à qui la Nature n’a point donné d’autre avantage, personne ne se moquoit plus volontiers que lui du prix que la vanité humaine attach si souvent à ce bienfait du hazard. *Elle ne sent pas, disoit-il, combien ce présent est fâcheux, quand on le reçoit en pure perte, & qu’on ne sait pas le mettre en valeur.* Parmi les traits curieux de sottise qu’il avoit recueillis sur ce sujet, il aimoit sur-tout à raconter celui d’un noble Campagnard qu’il avoit connu, & qui regardant un Gentilhomme comme le plus précieux ouvrage de la Divinité, & sa perte comme un des plus grands malheurs de ce monde, définissoit la peste, *une calamité abominable, pendant laquelle un Gentilhomme n’est pas sûr de sa vie.*»

¹³ По крайней мере до конца 1750 годов Джордж Кит — видный якобит, приверженец свергнутого в 1688 году «Славной революцией» короля Якова II (VII) Стюарта.

¹⁴ «Long-temps avant de se mettre à la tête des Ecossois, & dans le moment même où le Roi George I-er étoit monté sur le trône d’Angleterre, Milord Maréchal s’étoit retiré dans sa Partie; & avoit abdiqué sa place de Capitaine des Gardes, *voulant bien, sisoit-il, garder un Roi, mais non pas un Usurpateur; car tel étoit à ses yeux le nouveau Monarque.*»

¹⁵ «De toutes ses possessions, il ne conserva que le titre de Maréchal d’Ecosse. *Pour cet effect-là, escrivoit-il à un de ses amis, avec une gaîté qui ne l’abandonna jamais dans la plus mauvaise fortune, je le garderai sous le bon plaisir du Roi George, qui n’est pas le maître de me l’ôter; car j’en jouis, ne lui en déplaît, à meilleur droit qu’il ne possède la couronne de la grande Bretagne, puisque ce titre étoit celui de mes pères; & si je ne puis l’empêcher de signer, comme il fait, George Roi, au moins je signerai toujours, avec sa permission, Le Maréchal d’Ecosse.* Il signa en effet toujours ainsi, sur-tout après sa proscription. C’étoit une espece de protestation tacite & continuelle contre celui qu’il refusoit non seulement d’appeler *son maître (car je n’aurai jamais, disoit-il, d’autre maître que la loi)*, mais de reconnoître & d’avouer pour son Souverain».

¹⁶ Говорят, что Джордж Кит получил в 1759 прощение от Георга II за то, что информировал его о планах Испании. Вряд ли это предосудительно для посла союзной державы.

¹⁷ Значками [♠ июнь 1696] и [♠ январь 1742] обозначены смертные приговоры, вынесенные шведским королем Карлом XI и русской императрицей Елизаветой Петровной (приговор к отсечению головы был заменен ссылкой). Значок ∞ обозначает супружество.

¹⁸Мать Г.И. Левенвольде, Изабелла Архарт, происходит из древней шотландской семьи, отец которой, Джон Архарт, был вынужден переселиться в Швецию. Он был подполковником королевской гвардии и был возведен в шведское дворянство.

¹⁹Дата рождения неизвестна, но по ряду соображений она должна приходиться на 1650-е годы.

²⁰Иногда, по незнанию или по недоразумению, утверждают, что фамилия Левен, или Лёвен (Löwen), к которой принадлежала Магдалена Элизабет Левен, — это «сокращение от Левенвольде (Löwenwolde)». Это неверно: фамилия Левен вполне самостоятельна, имела собственную славную родословную и собственный герб.

²¹Дата рождения неизвестна, но не ранее 1680 г. (год брака его родителей) и не позднее 1692 г. (год рождения его младшего брата)

²²Читатель найдет более подробную информацию об этом в работах автора [7] и [8].

²³И.Р. Паткуль был казнен в 1707 году Карлом XII, см. об этом, например, в [7] и [8].

²⁴Это цитата из «Истории Петра I», написанной А.С. Пушкиным.

²⁵Johann Christoph Brotze.

²⁶«Sammlung verschiedner Liefländischer Monumente».

²⁷Процитируем оттуда “Account of The Family of Kinninmond of that Ilk, the Susccession, Marriages, &c So far as appears from their own Papers”: «1589 July 7th

Andrew disponed his Estate to his Brother David.

DAVID was married to MARION SETON who was of the family of Seton of Parbroath, as appears from a Bond of Relief granted by George Seton of Parbroath to David Kinninmond wherein he designs him his Brother in Law Anno 1609.

David had Issue Six Sons and five Daughters, as appears from the Copy of a Gift of the Escheat of Mr. Walter Kinninmont of Kildoncan and others dated An 1617 and a Submission signed by David taking burden for his Spouse and Children.

1st PATRICK, who was put in the Fee of so much of the Estate as remained unsold Anno 1620 upon his father’s Resignation and succeeded him.

2^d DAVID, afterwards called Captain David in a Discharge by Mary their Sister to Patrick Anno 1638 and was alive per Letter in May 1647, at which time he was acting as the Representative of the third Brother. His Subscription is at another Discharge granted by Mary after Whitsunday 1655, tho’ it would appear he afterward died without Issue, because the elder Brother Patrick was thereafter Anno 1656 pursued as representing the third per Letter and yet one Captain David Kinninmond is cited as one of the nearest of Kin to James Kinninmond of that Ilk Anno 1657.

3^d JOHN, afterward Sir John Kinninmond of Cullello, he died in the beginning of April 1647 and without Issue as appears from what is above noticed. He was married to one Margaret Ogilvy and ’tis said That she assigned her Liferent Right to the Earl of Murray, and having gone abroad was never heard of, And that on pretence of her being presumed still alive the Earl possessed the Lands in her Right till some Debts he acquired of Sir John’s run up so as to exhaust the Property.

4th WILLIAM.

5th JAMES, who together with his brother David got a liferent Tack of a part of the Estate from their father, but renounced it per Deed Anno 1621.

6th ANDEW, who was slaughter'd by Mr. Walter Kinninmond of Kildoncan and others per Draught of Gift of Escheat Anno 1617.

7th CECIL married to George Seton of Caraldston and got 3000 Merks Tocher, per Discharge 10th June 1620.

8th MARY

9th ELISABETH pr Discharge 1628, and Mary appears
alive and unmarried in Novr 1666 per
Discharge of that Date.

10th JEAN

11th JANET pr Discharge Anno 1639 and appears alive unmarried Anno 1666 per Assigation by her to her Nephew James

²⁸Born between 1570 and before January 1578/9, from Patrick Kinninmond & Elisabeth Wemyss (see [20]).

²⁹Born between 1570 and before January 1578/9, from Patrick Kinninmond & Elisabeth Wemyss (see [20]).

³⁰«David Kinnemond was an ensign in John Kinnemond's [SSNE 2837] regiment of Swedish service between 1629 and 1631».

³¹«James Kinnemond was an officer in Swedish service. He was a lieutenant in Prizemsky's infantry from 1648-9. John Kinnemond [SSNE 2829] was probably a relative».

³²«Colonel John Kinnemond served as a lieutenant with Filip von Mansfeld's recruited infantry regiment in 1621. He was listed as chief masterwatchman in 1622 for Kristoffer Assarsson Mannerskold's Vastergotland regiment and must soon after have been promoted to major there, a position he later held in Johan Baner's Ostergotland regiment in 1624. Kinnemond's promotion continued and he served as lieutenant colonel in 1626. That year a Colonel Kinnemond was noted holding the Polish town of Mewe with 150 musketeers. The following year Chancellor Oxenstierna authorised the return of two chests of tools to one of the Mewe residents, after the resident had complained of Kinnemond's requisitioning of the goods. He became colonel for a regiment from Näärke Värmland in 1628. In December that year Chancellor Oxenstierna decided that Kinnemond and his troops should disembark at Pillau, and that certainly by January 1629 he became governor of the garrison there. The Chancellor certainly believed Kinnemond's role to be vital, telling him in February that all of Prussia depended on the port and garrison at Pillau ("... ähr mijn alvarlige villie, att i medh edra underofficerer leten edher pe thet högsta vara angeleget, det god vacht och verd hoos edher motte hollas, icke annorledes ähn sesom det vore fiendtligit och osekert tillstend, pe thet H. may:tts festning och Pillous hamn, aff hvilken heela Pryssen dependerar, se matte aff edher de[f]enderet och I ackt tagit varda, att I det tryggeligen kunnen försvara"). The following month the garrison was hit with illness and Oxenstierna ordered that arriving soldiers should be placed elsewhere, until the infection passed, although in May it was decided that due to the effects of illness his regiment should return to Sweden and be replaced by Colonel Essen's regiment. In April Kinnemond was called upon to find and apprehend two German knights who had gone AWOL. This is possibly the same Colonel John Kinnemond that is recorded as a Swedish Governor of Nöteborg/Nettenburg (Oreshek), a Russian border fortress taken by the Swedes from 1629. That year the military college in Stockholm instructed him to inform them twice a year about news of his post, and he wrote them about repairs undertaken to the fort. In 1636 he obtained a birth-brief from the Privy Council of Scotland. The Kammarekollegium records refer to him on 8 November 1636. He died on 24 March 1638».

³³«John Kinnemond was an officer in Swedish service. He served as a major in Prizemsky's infantry regiment in 1648. He was probably related to James Kinnemond [SSNE 2827].».

³⁴ «In 1651 Kinnemond became a colonel and commandant at Dunnamunde fort, which he himself had constructed. In 1655 he was the colonel of the Viborg area regiment. It is not known when he married Christina Scott [SSNE 6248], the daughter of Colonel James Scott [SSNE 1638] and his wife Margaret Gibson [SSNE 2834], although his choice of a Scottish wife implies that his ties to Scotland were still strong. They had seven children, of which only two survived. His son Patrick [SSNE 2840] also entered Swedish service while his daughter Christina [SSNE 6247] married the Scottish officer James Bennet [SSNE 1612]. He died in 1658.»

³⁵ «James Kinnemond was an officer in Swedish service. He was a major in John Meldrum's [SSNE 572] regiment in 1629 and later in George Crawford's [SSNE 2086] until 1632.»

³⁶ «The earliest reference to John Kinnemond in Swedish military records is to one lieutenant Hans Jacob Kinnemond in Samuel Cockburn's [SSNE 4219] Scottish regiment in 1613. This is probably, though not certainly, the same man who served as a lieutenant in 1620 where he served variously in the regiments of John [SSNE 2595] and Alexander Hamilton [SSNE 380]. This regiment was taken over by Ludovick Leslie [SSNE 396] and served at the battle of Lutzen. He was thereafter promoted to captain and eventually served as lieutenant colonel and commander for colonel William Gunn's [SSNE 159] recruited infantry squadron by 1636 with whom he fought at Wittstock.»

³⁷ «Patrick Kinnemond was born in Calensk in Scotland and joined the Swedish army in 1624 as an ensign in Alexander Leslie's [SSNE 1] Södermanland regiment. In 1625-6 he was with Varmlands regiment and then transferred to William Lawson's [SSNE 2899] infantry. In 1635 he became lieutenant (although other sources note him as colonel of an infantry regiment) after service in George Douglas's [SSNE 2357] company of James Ramsay's [SSNE 3315] regiment, and in 1638 he was commandant in Anklam. In 1639 he served under Johan Banñrs command and in May became commandant of Pirna [Saxonia]. It is probable that Patrick died in 1639 during the seige of Seisshьbel (in some sources being shot by his own side for failing to use his own password, in others, having shot himself). He was ennobled after his death along with his brother Thomas Kinnemond [SSNE 2832] in 1650, the man with whom he is often confused and who was governor of Nyenmunde in Livonia. Patrick married Margareta Becker in her first marriage (her 2nd was to major general William Barclay [SSNE 1611], ennobled and introduced under nr.652). She was the daughter of the merchant Johan Becker of Stockholm and his wife Christina de Wijk. They had one daughter.»

³⁸ «Patrick Kinnemond was the son of colonel Thomas Kinnemond [SSNE 2832] and the nephew of colonel Patrick Kinnemond [SSNE 2838]. He served first in John Kinnemond's [SSNE 2828] regiment as an ensign c. 1648. He died in 1677 at the siege of Stettin with the rank of lieutenant colonel. His sister Christina [SSNE 6247] married the Scottish officer James Bennet [SSNE 1612].»

³⁹ «William Kinnemond served as a major in Erik Ulfsparre's recruited regiment in 1632. He became lieutenant colonel in 1635 and eventually colonel and chief of a recruited infantry regiment in 1638. His daughter Isabella [SSNE 3317] married the Scottish officer John Urquhart [SSNE 3718].»

⁴⁰ «Isabella Kinnimund was the daughter of William Kinnemond [SSNE 2842] and was born in Scotland. She married the Scottish officer John Urquhart [SSNE 3718]. After long service in Germany, the family moved to Birsen, Livonia in 1655 where John was commandant. They had two children.»

⁴¹ «Colonel John Urquhart was of ancient Scottish noble lineage, and arrived in Sweden with some recruited regiments in the early 1630s. In 1635 he was a lieutenant captain in Johan Skytte's [SSNE 6280] regiment. He was a full captain in 1636. He served as assistant to the commandant at Neumunde garrison in 1643. He became a major to Queen Kristina's Lifeguard in 1645 (commanded by Magnus de la Gardie), and in May that year he received a donation of three leaseholds from her. One belonged to Upsala province hospital at Ulleracker, and the other two belonged to Skaggestadh cloister. These were for the duration of his life, his wife's life and their legitimate descendants. In September 1645, Urquhart took 4 compnies of the Lifeguard to garrison Halmstad including his own and that of Captain Ernst Forbes (total force 379 men). Two years later he was promoted lieutenant colonel. In 1648 he moved with eithgt companies to Halberstadt (July) before being moved back

towards the Elbe to await further orders. With the end of the Thirty Years' War (1648) Urquhart was ennobled, thereby becoming a naturalised Swede, and thereafter he was introduced in the House of Nobility (1650). He went on to be colonel in Magnus de la Gardie's infantry life regiment (Queen Christina's Life Guard). He also served as commandant at Birsen, Livonia in 1655 and died the following year. He was married to Isabella Kinninmund [SSNE 3317], who was the Scottish born daughter of William Kinninmund. They had two children, one of which was Thomas [SSNE 3721]. John [SSNE 3719] and Magnus [SSNE 3720] were presumably also related to him. He was in some way a relative of Thomas and Andrew Urquhart of Cromarty. He gave the former a gift of two brass cannon in 1650 which were inscribed and sent from Stockholm».

⁴²«Johan Urquhart was an officer in Swedish service. In 1648 he served as an ensign in the Queen's liferegiment. He was probably related to John Urquhart [SSNE 3718]».

⁴³«Magnus Urquhart was an officer in Swedish service. He served as an ensign in the Queen's liferegiment in 1648. He was presumably related to John Urquhart [SSNE 3719] and John Urquhart [SSNE 3718]».

⁴⁴«Thomas Urquhart was the son of Johan Urquhart [SSNE 3718] and served as a reformed ensign with the Lifgard in 1646. He was later with the Drottning's liferegiment in 1647 at the same rank. He was presumably related to John [SSNE 3719] and Magnus [SSNE 3720]. He was last recorded as an ensign with M. G. de la Gardie's infantry regiment in 1655. He appears to have left the army to go to Uppsala University, although it is possible that the Uppsala student is another individual of the same name».

⁴⁵«Non content d'avoir armé pour lui ses anciens Sujets, il demanda des secours à la France & à l'Espagne. La France fut inutilement sollicitée; elle avoit trop besoin de repos après quatorze ans d'une guerre malheureuse. L'Espagne, toute épuisée qu'elle étoit par la même guerre, se monta plus favorable; elle fit partir pour l'Ecosse plusieurs vaisseaux & quelques troupes; mais une tempête violente qu'on n'avoit pu prévoir, la défunion des Chefs, à laquelle il étoit plus naturel de s'attendre, & leurs fautes accumulées, suite nécessaire de cette défunion, obligerent bientôt l'infortuné Prétendant à se rembarquer».

⁴⁶После Екатерины I (28 января (8 февраля) 1725–6 (17) мая 1727) правил Петр II (6 (17) мая 1727–19 [30] января 1730).

⁴⁷Иногда интересы «дюка Лирийского» как посла испанского короля и как якобита, входили в значительные противоречия. Так, в 1727–1730 гг. внезапно изменились интересы основных европейских держав и Россия, улучшив отношения с Великобританией, где с 1 августа 1714 г. и до своей кончины в июне 1727 г. правил король Георг I, а затем — король Георг II, не была заинтересована в материальной поддержке якобитского заговора.

⁴⁸Для понимания этого важнейшего для нас момента процитируем «Записки и замечания гр. Эрнста Миниха»: «... Сия до формы правления касающаяся перемена [«Кондиции», ограничивающие власть монарха. — *Прим. В.М.*] не могла быть столь скрытна, чтобы не проведал об оной камергер покойного императора [Петра II. — *Прим. В.М.*] граф Густав-Рейнгольд Левенвольде, которого старший брат [Карл Густав Левенвольде. — *Прим. В.М.*], после бывший обер-шталмейстером у императрицы Анны Иоанновны, жил тогда в отставке в своих деревнях в Лифляндии и с давнего уже времени предан был герцогине Курляндской. Дабы уведомить сего и чрез него императрицу об оном деле как можно скорее, не нашел камергер граф Левенвольде иного удобнейшего средства, кроме как послать своего скорохода в крестьянской одежде к нему с письмом в Лифляндию. Вестник, наняв сани, скоро поспел туда, так что старший граф Левенвольде успел отправиться в Митаву и приехать туда целыми сутками ранее, нежели депутаты. Он первый возвестил новоизбранной императрице о возвышении ее и уведомил о том, что брат к нему писал в отношении ограничения самодержавия. При том он дал свой совет, дабы императрица на первый случай ту бумагу, которую после нетрудно

разорвать, изволила подписать, уверяя, что нация не долго довольна быть может новым аристократическим правлением и что в Москве найдутся уже способы все дела в прежнее привести состояние. После сего, откланявшись, без замедления возвратился в свои деревни».

⁴⁹ «... as she was resolved to reward the eldest Count Levenwolde for the zeal which he had showed for her service, a new regiment of foot guards was order'd to be raised, of which he was made Collonel, being already her General Adjoutant, and his brother, who was one of the Chamberlains, was declared Great Markchal of the Court».

⁵⁰ **1730.** 17-го августа 1730 г. генерал-адъютант л.-гв. Семеновского полка полковник князь Голицын, сообщил Государственной военной Коллегии Высочайшее повеление о сформировании нового полка пехоты из одной гренадерской и восьми мушкатерских рот.

Хотя в повелении и было сказано, что полк сформировывается на армейском положении, но полку предполагалось дать гвардейское обмундирование и полк предполагалось сделать гвардейским. Набор рядовых для нового полка был поручен Майору Семеновского полка Хрущеву, который и был послан с этою целью в Малороссию в Ландмилицкие полки.

Хрущеву предписано было набрать людей высокаго роста и привести их в Москву не позже половины сентября месяца того же года.

Унтер-офицеров и капралов предполагалось набрать из соседних армейских полков, которые, согласно словам повеления, должны были состоять из «людей добрых, как в состоянии, так и собою, не весьма малорослых и грамоте умеющих, которые бы могли тот сочиняемый полк обучать по указам и впредь офицерами быть».

Музыканты, барабанщики и нестроевые были назначены по распоряжению военной Коллегии.

24-го августа пришло повеление, что вместо одной гренадерской и восьми мушкатерских рот, сформировать в новом полку три батальона, по четыре мушкатерские роты в каждом.

По приводе, майором Хрущевым, людей в Москву, они были представлены на смотр Императрице, которая и нашла их в отличном состоянии.

Вследствие этого состоялся Высочайший Указ, в котором, между прочим, сказано: «Сентября 22-го дня Ея Императорское величество указала, выбрав из ландмилиции, учредить полк в трех батальонах и в одной гренадерской роте, именовать Измайловским и содержать, против л.-гв. Семеновского полка, третьим полком гвардейским, а офицеров определить из лифляндцев и курляндцев и прочих наций иноземцев и из русских, которые, на определенном против гвардии рангами и жалованьем, себя содержать к чистоте в полку могут без нужды и по обучению приложить свой труд».

Таким образом, 22-е сентября 1730 года, есть начало существования л.-гв. Измайловского полка, получившего свое название от села Измайлово — любимой, летней резиденции Императрицы Анны Иоанновны.

Высшие офицеры, назначенные в Измайловский полк, были следующие:

Шефом или полковником назначен обер-шталмейстер и генерал-адъютант граф Карл Левенвольде, бывший генерал-адъютантом Императора Петра I. Подполковником назначен генерал-майор Джеймс Кит — шотландец. Майорами назначены: 1) премьер-майор Азовского драгунского полка Иосиф Гампф, 2) капитан Иван Шипов (бывший прежде адъютантом генерала Балка) и 3) капитан Густав Бирон (младший брат известного по истории, Бирона герцога курляндского).

Эти пять лиц первые положили основание Измайловскому полку и вели его, как в мирное время, так и в первых походах молодого полка.

При начальном формировании, полк состоял в следующем составе:

Чины	Гренадерския роты	Мушкатерския роты	Всего
Полковников	—	—	1
Подполковников	—	—	2
Майоров	—	—	2
Капитанов	1	1	13
Капитан-поручиков	1	1	13
Поручиков	1	1	13
Подпоручиков	1	1	13
Прапорщиков	—	1	12
Сержантов	2	2	26
Каптенармусов	1	1	13
Подпрапорщиков	1	1	13
Фурьеров	1	1	13
Капралов	6	6	78
Барабанщиков	2	2	26
Флейщиков	2	—	2

Кроме того состояло штатное число артиллерийской команды, называвшейся пушкарями, при одной гаубице и шести трехфунтовых орудиях.

1731. Жалованье офицерам было положено такое же, как и в двух старых полках, а унтер-офицерам и рядовым немного меньше против старых полков; но вскоре, а именно, 9-го декабря 1731 г., оно было сравнено с Преображенским и Семеновским полками.

17-го февраля 1731 года, Измайловцы в первый раз представились на смотр Ея Императорскому Величеству на Царицыном лугу за Москвой рекою. Тут они получили знамена, принесли присягу на верность службы. 28-го мая в первый раз заступили в дворцовый караул на смену л.-гв. Семеновскаго полка и с тех пор начали нести службу наравне с двумя старыми полками.

Лето 1731 года, полк провел в лагере под Анненгофским дворцом, а 10-го августа 1-й и 2-й батальоны выступили в Петербург, где и расположились на Петербургской стороне. 3-й же батальон остался на старом месте и только осенью перешел к Спасо-Андрониевскому монастырю в Воронью слободу.

⁵¹ «As I had no pretensions to any advancement, being little more than a year in the Empire, I saw all these favours with the pleasure one naturally has to consider that, being in the service of a generous Princesse, I shou'd have my share when time had given me occasions to rendre any service; and having little or no acquaintance with Count Levenwolde, the General Adjoutant, one evening I was surprized to receive a billet from Lt General le Fort, advertising me that the Count Levenwolde desired I shou'd come to Court (which was then in the country) next day, he having something to communicate to me. I reaved all night what cou'd be the meaning of such a message; I consulted myself if I had done any thing amiss which might deserve a reprimande from the Empress by her Ajoutant; and finding myself entirly innocent, I concluded I might have some enemy at Court who might misrepresent me. Full of these thoughts, I went next morning to Lt General le Fort, whom I found with his cousin, the Polish Envoyй, and the Duke of Liria. My first question was, if Count Levold had told him nothing of what he had to say to me, or if he had discover'd nothing in his face that marked his being displeas'd with me? He assured me no, and that he told him nothing of what he had to say. The Duke of Liria, who was present and who saw my embaras, said, that he was informed that the regiment which was raising for Count Levold was to be guards, and that perhaps he designed to propose me as Lt Collonel; to which I answer'd, that it was already published in the army as an ordinary regiment, with the difference of a battalion more, in which case I cou'd not accept the Lieutenant Collonel, and if it was a regiment of guards, I was pretty sure the employment

wou'd not be proposed to me, (being commonly filled by Generals in Chief, or Lt Generals,) who was one of the youngest Major Generals of the army. Every one agreed with me that it must be something else, and in this doubt I arrived at Ismailof, where the Court then was, and where I made my reverence to Count Levenvolde, d'un air tris embarassï. Howsoon he saw me, he took me aside, and after a compliment which entirly assured me, he proposed me the Lt Collonel of his regiment, which was to be guards; and at the same time told me that I might take 24 hours to consult if I would accept it. I thanked him immediatly for the preference he had given me over so many who deserved such a trust better, and for the 24 hours they were needless, since I accepted the honour in the instant; and two days after he presented me to the Empress, who declared me Lt Collonel of her Guards. All Mosco was as surprised as I was myself; and as the emploiment is looked on as one of the greatest trust in the Empire, and that the officers of the Guards are regarded as domesticks of the Souveraign, I received hundreds of visits from people I had never seen nor heard of in my life, and who imagined that certainly I must be in great favour at Court, in which they were prodigiously deceived».

⁵²Philip Dormer Stanhope, 4-th Earl of Chesterfield.

⁵³Например, якобит и адмирал Александр Гордон.

⁵⁴Ироничное отношение к благородному происхождению, которое Д'Аламбер заметил у Джорджа Кита, вполне согласуется с предположением, что наследственный маршал Шотландии в изгнании приложил свою руку мастера к фабрикации мастерски изготовленной подделки.

⁵⁵В подлиннике это звучит так:

«O good Horatio, what a wounded name,
Things standing thus unknown, shall live behind me!
If thou didst ever hold me in thy heart
Absent thee from felicity awhile,
And in this harsh world draw thy breath in pain,
To tell my story. . . »

⁵⁶В Большом Катехизисе Мартина Лютера [6], составленном в 1529 году, это — восьмая заповедь.

⁵⁷Помимо сложного положения шотландцев того времени, только что переживших ряд потрясений, следует заметить, что *граф*, выдающий себя за потомка или родственника *виконта* столь же нелогичен, как полковник, который хочет, чтобы его считали ефрейтором.

⁵⁸В кратком виде он гласит: «Не следует множить сущее без необходимости».

⁵⁹Даты жизни прим. 1648–1663.

⁶⁰В [19], составленном в 20-м веке, сказано (стр. 157): “T. d. schwed. Obersten Johann v. U. u. d. Isabella Kenmur-Gordon, beite aus Schottld”. Такая же ошибка содержится в [14], с. 609.

⁶¹Заметим, что весь этот документ исполнен на немецком языке; ни одна из его частей не исполнена, например, на латыни. Шотландская же часть родословия [12] и сопроводительный документ к ней исполнен на латыни.

⁶²In nomine Domini Amen

Anno reparatae salutis millesimo septingentesimo trigesimo, XI calendas Junii Aberdoniae in regia Scotiae circuitate, in frequentissimo virorum eruditorum confessu examen f[s]uit institutum super Genealogia illustris prosapiae Urquatorum de Ke[j]nbaickie et in specie de genitoribus et maioribus Domina Isabella Urquartae, filia Domini Ioannis Urquarti, serenissimi et potentissimi Regis Sv[u]ecorum et Gothorum quondam fatellitii Tribuni et Domina Isabella Kendur-Gordoniae, eiusdem Ioannis conjugis. Atque ut in hoc Actu historico-critico legitime et debitocum ordine procederetur, officiosissime convocati fuere viri gravissimi, genere illustrissimi, eruditione et longo

usu in hocce argumenti genere versatiss[im]i, praep[re]mis qui ad negotiu[m] accuratius recognoscendum et certius de eo indicandum magis idonei vedebantur, illi quoque quorum maiores cognati et affines in ferie propositae quaestionis locum essent obtenturi. Omnibus sic rite dispositis et authenticis productis instrumentis, qua pictis et scriptis, qua imprestis et sculptis, post diligentissimam discussionem omnes in hanc[em] sententiam convenere: Quod Isabella praedicta praesati Ioannis Urquarti a Kenbaikie et uxoris eius Isabella Kenmur-Gordonae legitima esset filia, quodque Ioannes patrem habuerit Alexandrum Toparcham de Kenbaikie, filium Roderici de Kenbaickie et Annae Monro de Kilternie : matrem vero Margaritham natam de Abernethie filiam Ioannis haereditarii domini de Helmdel, et Janethae natae de Sutherlandia. Isabellae[?] autem Kenmur Gordonae genitor esset Thomas Kenmur Gordon haereditarius Dominus de Penningham Serenissimi Regis Svecorum equitum Tribunus, filius Georgii haereditarii domini de Penningham et Helena Ogilviae natae de Purie: Genitrix vero Isabella Kiets nata de Pauburn, filia Jacobi Kiets Toparchae de Pauburn et Mariae Grahame natae de Ballgown, et ita ascendendo per duas adhuc generationes recensiti sunt ex utraque parte et fexu in quinta generatione non minus quam triginta duo maiores, quod videtur confusio ex multitudine devitetur, visum est hos omnes progenitores in uno schemate distincte notare, atque ordinate digerere, prout versa pagina monstrabit.

Hier folgt das Schema der Beschluß lautet also:

Ego Johannes Comes de Sutherland Lord Baro de Strathnevern et Dunrobin, Sac. Reg. Maj. a Secretioribus Consiliis et ejusdem provinciarum Mu[r]rariae, Rossiae, Sutherlandiae, Catb[er]nesiae et Insularum Orcadarum Locumtenens, Par regni, et Ego, Jacobus Ogilvie Comes de Airlie et Elight, Lord Baro de Ogilvie et Lentrathen, haereditarius Baileiu[m] Aberbrothiae, Par regni etc. ad supradictum confessum et actum genealogico-heraldico-criticum, ubi producebatur, examinabatur, et probabatur Sistema Progenitorum familiae Urquart Kenbaikie requisiti fuimus feorsum, et humanissime vocati : Postquam superius notata ac descripta omnia et fingula audiuimus vidimus, lustravimus et attente perpendimus juxta optima[m] fidei instrumenta et fincera r[ati]onum gestarum documenta, invenimus obversum Schema maiorum et antecessorum Donnae Isabella Urquarta, Domini Christophori Bernardi Comitum de Loewenwold conjugis, genuinum, verum et historicae veritatis in omnibus consentaneum, quod et nobis ex eo maxime constat, quia plurimi ex maioribus nostris in eo sunt recensiti, ita quidem ut certius quid vel eidentius haberi potuerit nihil. Ast praeter haec simul exhibita nobis fuit oblonga tabula duabus membranibus glutine junctis constans, in qua ad modum arboris genealogicae praedicta Dominae Isabella progenitores scite admodum sunt repositi et coloribus iuxta ordinem praecedentis Schematis venuste expressi : in superno ordine adiecta sunt singulorum arma gentilitia, sine insignia nobilitatis secundum ad, quod singulis familiis competere et proprium esse dignoscitur, prout hodie gestare seu portare in sigillis suis, et aliis ornamentis, prosuere possunt et debent. Cum igitur omnes triginta duo majores utriusque sexus praefatae Dominae comitissae non solum legitime thoro fuerint procreati, sed et nemo eorum, quantum restat licet, sese plebejis permiscuerit, aut mercimonium vel artem mechanicam exercuerit, nec ullus indignus maiorum suorum apparuerit : visum est nobis praefatam stirpem iuxta omnes suos gradus et generationes in descripto schemate, tum in depicta tabula membrana cum armis et insignibus suis, nobili nostro verbo et pro nostra nota dignitate, nec non et subscriptionibus ac sigillis nostris apposis ut moris est, confirmare, roborare, atque indubitam reddere ; prout hodie praesente instrumento publico roboramus firmamus et indubitam reddimus. Acta sunt hoc Aberdoniae, die et anno, quo supra, feliciter in DEI nomine. Amen

L.S

I. Sutherland

L.S

Co. Airlie

Список литературы

- [1] АГЕЕВА, О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М., 2008. 380 с.
- [2] БАРВИК–и–ЛИРИЯ ЯКОВ Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1727–1730-х годов. Перевод с французского Д. Языкова. Спб., Гутенбергова тип., 1845.
- [3] БЕРХГОЛЬЦ, Ф.В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. Перев. с нем. И. Ф. Аммона. Изд. 2-е. ч. 33–4. М., 1862.
- [4] НАЩОКИН, В.А. Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842.
- [5] ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ, Н. История Лейб-гвардии Измайловского полка. С.-Петербург, 1882.
- [6] МАРТИН ЛЮТЕР Краткий катехизис. О десяти святых заповедях Божиих, 95 тезисов, СПб, «Роза мира», 2002 г.
- [7] МАЛИНОВСКИЙ, В.К. Левенвольде — кого из них упоминал А.С. Пушкин в «Истории Петра I»? , 2010.
- [8] МАЛИНОВСКИЙ, В.К. Моро де Бразе, которого переводил Пушкин, 2016.
- [9] ПУШКИН, А.С. История Петра. ПСС в 10-и томах (т. 9). изд. 4-е, Ленинград: Наука, 1979.
- [10] AILES, M.E. British Officers in Seventeenth-Century Sweden. University of Nebraska Press, 2002.
- [11] D'ALEMBERT Éloge de Milord Maréchal par Mr. d'Alembert, à Paris, chez les Libraires Associés se trouve à Berlin, chez Haude et Spener. 1779.
- [12] BROCE, J.C. Sammlung verschiedner Lieflandischer Monumente. vol. 5, part 1 (of 2). Stamm-
baum Carl Gustavs Grafen von Löwenwolde.
- [13] ELGENSTIERNA, G. Den introducerade svenska adelns ättartavlor, Stockholm, 1925–1936. The
article: Adliga ätten Urqvad, № 423, utdöd.
- [14] Genealogisches Handbuch der baltischen Ritterschaften. Teil Estland, Görlitz (1930).
- [15] GORDON, J., MALINOVSKII, V.K. Isabel, wife of John Urquhart, Colonel in the Swedish
Service. *The Scottish Genealogist*, Vol. LVII. No. 4, pp. 176, (Dec. 2010).
- [16] KEITH, JAMES A fragment of a memoir of field-marshal James Keith written by himself. 1714–
1734. Edinburgh MDCCCXLIII.
- [17] KLINGSPOR, C.A. Baltisches Wappenbuch.
- [18] KRUSENSTJERN GEORG VON (1963) Die Landmarschälle und Landräte der Livländischen und
der Öselschen Ritterschaft in Bildnissen. Harry v. Hoffman Verlag, Hamburg.
- [19] MOSER V. FILSECK, HERBERT *Erloschene Familien Livland*. Stuttgart. Matrikel No. 25: *v. Lö-
wenwolde* 1985.
- [20] MACFARLANE, W. Genealogical collections concerning families in Scotland, made by Walter
Macfarlane, 1750–1751.
- [21] MALINOVSKII, V.K. A Scottish Branch of Urquharts in the Loewenwolde Family Tree. *The
Scottish Genealogist*, Vol. LIV, No. 4, pp. 155–165, (Dec. 2007).
- [22] MURDOCH, S. AND GROSJEAN, A. The Scotland, Scandinavia and Northern European
Biographical Database (SSNE). Published to the internet by the University of St. Andrews,
November 2004 ISSN 1749-7000
- [23] Stambaum Gustav Reinhold Graff von Löwenwolde. РГАДА, Ф. 154, Оп. 2, Д. 294, Л. II.